Воспоминаніе объ Александрѣ Семеновичѣ Шишковѣ.

Сей старецъ дорогъ намъ; онъ блещетъ
средь народа
Священной памятью двѣнадцатаго года.
Пушкинъ [1].

Я хочу разсказать все, что помню объ Александрѣ Семеновичѣ Шишковѣ. Но я долженъ начать издалека.

Въ 1806-мъ году я былъ своекоштнымъ студентомъ казанскаго университета. Мнѣ только что исполнилось пятнадцать лѣтъ. Несмотря на такую раннюю молодость, у меня были самостоятельныя и, надо признаться, довольно дикія убѣжденія; напримѣръ, я не любилъ Карамзина и, съ дерзостью самонадѣяннаго мальчика, смѣялся надъ слогомъ и содержаніемъ его мелкихъ прозаическихъ сочиненій! Это такъ неестественно, что и теперь осталось для меня загадкой. Я не могъ понимать сознательно недостатковъ Карамзина; но, вѣроятно, я угадывалъ ихъ по какому-то инстинкту и, разумѣется, впадалъ въ крайность. Понятія мои путались, и я, браня прозу Карамзина, былъ въ восторгѣ отъ его плохихъ стиховъ, отъ „Прощанія Гектора съ Андрома-

[1] Эти два стиха написаны золотыми буквами подъ бюстомъ Александра Семеновича Шишкова, поставленнымъ въ россійской академіи.

хой“ и отъ „Опытной Соломоновой мудрости“. Я терпѣлъ жестокія гоненія отъ товарищей, которые всѣ были безусловными поклонниками и обожателями Карамзина. Въ одно прекрасное утро, передъ началомъ лекціи (то есть до восьми часовъ), входилъ я въ спальныя комнаты казенныхъ студентовъ. Вдругъ поднялся шумъ и крикъ: „Вотъ онъ, вотъ онъ!“ и толпа студентовъ окружила меня. Всѣ въ одинъ голосъ осыпали меня насмѣшливыми поздравленіями, что „нашелся еще такой же уродъ, какъ я и профессоръ Городчаниновъ [1], лишенный отъ природы вкуса и чувства къ прекрасному, который ненавидитъ Карамзина и ругаетъ эпоху, произведенную имъ въ литературѣ; закоснѣлый славянороссъ, старовѣръ и гасильникъ, который осмѣлился напечатать свои старозавѣтныя остроты и насмѣшки, и надъ кѣмъ же? Надъ Карамзинымъ, надъ этимъ геніемъ, который пробудилъ къ жизни нашу тяжелую, сонную словесность!... Народъ былъ молодой, горячій и почти каждый выше и старше меня: одинъ обвинялъ, другой упрекалъ, третій возражалъ, какъ будто на мои слова, прибавляя: „а, ты теперь думаешь, что ужъ твоя взяла!“ или: „а, ты теперь, пожалуй, скажешь: вотъ вамъ доказательство!“ и проч. и проч. Изумленный и даже почти испуганный, я не говорилъ ни слова, и несмотря на то, чуть-чуть не побили меня за дерзкія рѣчи. Я не скоро могъ добиться, въ чемъ состояло дѣло. Наконецъ, загадка объяснилась: наканунѣ, вечеромъ, одинъ изъ студентовъ получилъ книгу Александра Семеновича Шишкова: „Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ“ [2],

[1] Профессоръ русской словесности.

[2] Напечатанную еще въ 1893 году, но которая только черезъ два года дошла до казанскаго университета.

которую читали вслухъ, напролетъ всю ночь, и только что кончили, и которая привела молодежь въ бѣшенство. Вспомнили сейчасъ обо мнѣ, вообразили, какъ я этому обрадуюсь, какъ подниму носъ, — и весь гнѣвъ съ Шишкова упалъ на меня. Среди крика и шума, по счастію, раздался звонокъ и всѣ поспѣшили на лекціи, откуда я ушелъ домой обѣдать. Послѣ обѣда я прошелъ прямо въ аудиторію, а въ шесть часовъ вечера, не заходя къ студентамъ, что прежде всегда дѣлалъ, отправился домой. Въ продолженіе сутокъ буря утихла и на другой день никто не нападалъ на меня серьезно. Я выпросилъ почитать книгу Шишкова у счастливаго ея обладателя, и черезъ мѣсяцъ выписалъ ее изъ Москвы, а также „Прибавленіе къ Разсужденію о старомъ и новомъ слогѣ“. Эти книги совершенно свели меня съ ума. И всякому человѣку, и не пятнадцатилѣтнему юношѣ, пріятно увидѣть подтвержденіе собственныхъ мнѣній, которыя до тѣхъ поръ никѣмъ не уважались, надъ которыми смѣялись всѣ и которыя часто поддерживалъ онъ самъ уже изъ одного упрямства, — точно въ такомъ положеніи находился я. Можно себѣ представить, какъ я обрадовался книгѣ Шишкова, человѣка уже немолодого, достопочтеннаго адмирала, извѣстнаго писателя по ученой морской части, сочинителя и переводчика „Дѣтской библіотеки“, которую я еще въ ребячествѣ вытвердилъ наизусть! Разумѣется, я призналъ его неопровержимымъ авторитетомъ, мудрѣйшимъ и ученѣйшимъ изъ людей! Я вѣровалъ въ каждое слово его книги, какъ въ святыню!... Русское мое направленіе и враждебность ко всему иностранному укрѣпились сознательно, и темное чувство національности выросло до исключительности. Я не смѣлъ обнаружи-

вать ихъ вполнѣ, встрѣчая во всѣхъ товарищахъ упорное противодѣйствіе, и долженъ былъ хранить мои убѣжденія въ глубинѣ души, отчего они, въ тишинѣ и покоѣ, достигли огромныхъ и неправильныхъ размѣровъ. Такъ шло все время до моего отъѣзда изъ Казани.

Въ 1807-мъ году вышелъ я изъ университета, а въ 1808-мъ уже служилъ переводчикомъ въ Комиссіи составленія законовъ.

Я оставилъ университетъ въ такихъ годахъ, въ которыхъ надлежало бы поступить въ него, слѣдовательно, вынесъ очень мало знаній. Въ этомъ виноватъ былъ я самъ, а не младенчество университета, въ которомъ многіе, учась вмѣстѣ со мной, получили прочное, даже ученое образованіе. Особенно процвѣтала у насъ чистая математика, которую увлекательно и блистательно преподавалъ адъюнктъ Г. И. Карташевскій, и которую я ненавидѣлъ, несмотря на то, что жилъ у него и очень его любилъ. Математика была такъ сильна у насъ, что когда по выходѣ Карташевскаго (это случилось уже безъ меня) пріѣхалъ въ Казань знаменитый тогда европейскій математикъ Бартельсъ и, пришедъ на первую лекцію, попросилъ кого-нибудь изъ студентовъ показать ему на доскѣ степень ихъ знанія, Александръ Максимовичъ Княжевичъ разрѣшилъ ему изъ дифференціаловъ и коническихъ сѣченій такую чертовщину, что Бартельсъ, какъ истинный ученый, пришелъ въ восторгъ и, сказавъ, что для такихъ студентовъ надобно профессору готовиться къ лекціи, поклонился и ушелъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, встрѣтясь какъ-то на дорогѣ съ Г. И. Карташевскимъ, онъ остановилъ его, вышелъ изъ экипажа, заставилъ, разумѣется, и Карташевскаго сдѣлать то же, и изъ-

С. Т. Аксаковъ. Ш. Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Адмиралъ Александръ Семеновичъ Шишковъ.

(По гравюрѣ Т. Уткина съ портрета, писаннаго Т. Дау.)

явилъ ему, какъ собрату по наукѣ, свое глубокое уваженіе.

Не имѣя никакой протекціи и даже почти никого знакомыхъ въ Петербургѣ, я попалъ въ переводчики Комиссіи составленія законовъ единственно потому, что Г. И. Карташевскій, еще прежде меня оставившій казанскій университетъ, служилъ помощникомъ редактора въ одномъ изъ отдѣленій Комиссіи, которыя назывались Редакторствами. Карташевскій пользовался тамъ, какъ и вездѣ, гдѣ онъ служилъ, полнымъ уваженіемъ. Я жилъ въ Петербургѣ уединенно, такъ же мало встрѣчая сочувствія къ моимъ убѣжденіямъ и обнаруживая ихъ еще менѣе. Я видался только съ Шушеринымъ; но въ нашихъ бесѣдахъ преимущественно дѣло шло о театрѣ и сценическомъ искусствѣ. Я служилъ около полугода. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ Комиссіи составленія законовъ былъ неутомимый нѣмецъ Розенкампфъ: онъ писалъ и день и ночь, то по-нѣмецки, то по-французски; съ послѣдняго я переводилъ на русскій. Не могу утвердительно сказать, былъ ли какой-нибудь толкъ въ неусыпныхъ трудахъ Розенкампфа, но я часто слыхалъ, какъ подсмѣивались надъ его нѣмецкими теоріями. Въ составѣ государственныхъ учрежденій Комиссія составленія законовъ была совершенно забыта. Вдругъ директоромъ Комиссіи былъ опредѣленъ М. М. Сперанскій, и ходъ дѣлъ оживился: директорскую канцелярію, названную по новому: Письмоводствомъ, значительно усилили; Вронченко назначили письмоводителемъ; взяли двухъ чиновниковъ отъ Розенкампфа, меня и Бачманова, и причислили къ письмоводству. Это передвиженіе было для меня счастливымъ событіемъ: въ письмоводствѣ встрѣ-

тился я съ Александромъ Ивановичемъ Казначеевымъ. Я живо помню этотъ первый день, когда онъ обратилъ на себя вниманіе. Какъ теперь гляжу на его молодую, стройную, худощавую фигуру и свѣжее лицо, наклоненное надъ бумагой: длинные волосы закрывали сбоку даже его большой носъ, и красивыя жемчужныя строки выводила его рука. Я сидѣлъ возлѣ него, занимаясь своимъ дѣломъ. Вдругъ слышу тоненькій голосокъ моего сосѣда, которымъ онъ очень рѣзко бранилъ школу карамзинскихъ послѣдователей и критиковалъ переписываемую имъ бумагу Сперанскаго за иностранныя слова и обороты... Меня такъ и обдало чѣмъ-то роднымъ, такъ и повѣяло духомъ Шишкова! Я сейчасъ всталъ, отвелъ въ сторону старшаго чиновника письмоводства, Н. С. Скуридина, бывшаго нѣкогда моимъ товарищемъ по казанской гимназіи, и спросилъ: „Кто этотъ молодой человѣкъ, который сидитъ подлѣ меня?“ Скуридинъ улыбнулся и отвѣчалъ: „Какъ кто? Племянникъ Александра Семеныча Шишкова, такой же отчаянный славянофилъ (тогда это слово было уже въ употребленіи), и чуть не молится своему дядѣ“. Этого было довольно. Черезъ нѣсколько часовъ я заключилъ съ Казначеевымъ вѣчный союзъ братской дружбы, который мы оба свято хранимъ и теперь. Въ тотъ же вечеръ Казначеевъ обо всемъ разсказалъ своему дядѣ Шишкову, и на другой день, въ девять часовъ утра, положено было представить меня главѣ славянофиловъ.

Но что жъ это такое было за славянофильство? Здѣсь кстати поговорить о немъ и опредѣлить его значеніе. Надобно начать съ того, что тогда слово это не выражало дѣла. И тогдашнее, и теперешнее такъ называемое славянофильство было и есть не

что иное, какъ русское направленіе, откуда уже естественно вытекаетъ любовь къ славянамъ и участіе къ ихъ несчастному положенію. Впрочемъ, къ Шишкову отчасти шло это имя, потому что онъ очень любилъ славянскій или церковный языкъ, и, сочувствуя немного западнымъ славянамъ, много толковалъ и писалъ о славянскихъ нарѣчіяхъ; но его послѣдователи вовсе объ этомъ и не думали. Русское направленіе заключалось тогда въ возстаніи противъ ьведенія нашими писателями иностранныхъ, или, лучше, французскихъ, словъ и оборотовъ рѣчи, противъ предпочтенія всего чужого своему, противъ подражанія французскимъ модамъ и обычаямъ и противъ всеобщаго употребленія въ общественныхъ разговорахъ французскаго языка. Этими, такъ сказать, литературными и внѣшними условіями ограничивалось ее направленіе. Шишковъ и его послѣдователи горячо возставали противъ нововведеній тогдашняго времени, а все введенное прежде, отъ реформы Петра I до появленія Карамзина, признавали русскимъ и самихъ себя считали русскими людьми, нисколько не чувствуя и не понимая, что они сами были иностранцы, чужіе народу, ничего не понимающіе въ его русской жизни. Даже не было мысли оглянуться на самихъ себя. Вѣкъ Екатерины, передъ которымъ они благоговѣли, считался у нихъ не только русскимъ, но даже русскою стариною. Они вопили противъ иностраннаго направленія — и не подозрѣвали, что охвачены имъ съ ногъ до головы, что они не умѣютъ даже думать по-русски. Самъ Шишковъ любилъ и уважалъ русскій народъ по-своему, какъ-то отвлеченно; въ дѣйствительности же отказывалъ ему въ просвѣщеніи и напечаталъ впослѣдствіи, что мужику не нужно знать грамотѣ.

Такъ бываютъ иногда перепутаны человѣческія понятія, что истина, лежащая въ ихъ основѣ, принимаетъ ложное и ошибочное развитіе. — Само собою разумѣется, что никакое сомнѣніе не входило въ мою осьмнадцатилѣтнюю голову и что я былъ готовъ безусловно благоговѣть передъ Шишковымъ.

Напрасный будетъ трудъ, если я захочу дать понятіе о томъ, что происходило въ моей головѣ и въ моемъ сердцѣ, когда я воротился домой, разставшись съ моимъ внезапнымъ другомъ, Казначеевымъ? Какую ночь провелъ я въ ожиданіи утра, въ ожиданіи свиданія, знакомства съ Александромъ Семеновичемъ Шишковымъ! Я представлялъ себѣ его какимъ-то высшимъ существомъ, къ которому всѣ приближаются съ благоговѣніемъ. Живя въ Петербургѣ, я постоянно желалъ и надѣялся со-временемъ, какъ-нибудь, его увидѣть, но возможность личнаго и близкаго знакомства никогда не входила мнѣ въ голову. Не могу сказать, чтобъ я отъ неожиданнаго осуществленія того, о чемъ не смѣлъ мечтать, пришелъ въ восхищеніе, въ восторгъ, которому весьма легко предавался. Конечно, я чувствовалъ радость, но подавляемую изумленіемъ и какою-то неопредѣленною боязнью. Тогда я не умѣлъ объяснить себѣ страннаго моего чувства; но, можетъ быть, это было безотчетное опасеніе — найти въ дѣйствительности не то, что создало и украсило мое горячее воображеніе и такъ искренно, давно полюбило молодое сердце. Я былъ чистый сангвиникъ: живой, вспыльчивый и въ то же время застѣнчивый или, вѣрнѣе сказать, конфузливый до того, что могъ совсѣмъ потеряться, могъ лишиться на ту минуту употребленія языка или заплакать. Хотя я конфузился преимущественно въ женскомъ обществѣ, или

незнакомомъ и многочисленномъ, но кабинетъ Шишкова представлялся мнѣ страшнѣе всякой аристократической гостиной — и опасность сконфузиться, показаться дуракомъ, бросала меня въ ознобъ и жаръ. Будучи всегда скромнаго о себѣ самомъ мнѣнія, я добросовѣстно спрашивалъ себя: „Что же есть во мнѣ замѣчательнаго, достойнаго обратить вниманіе такого человѣка, какъ Шишковъ? Не совѣстно ли заставить его перервать свои важные труды и заниматься мною? Что я стану отвѣчать, когда онъ спроситъ о моихъ литературныхъ занятіяхъ? Не отвѣчать же ему, что въ университетѣ я издавалъ письменный литературный журналъ вмѣстѣ съ Александромъ Панаевымъ? что я написалъ стихи къ „Зимѣ“ и „Соловью“ или перевелъ „Пигмаліона и Галатею“? Вотъ, если бъ какъ-нибудь заставили меня читать, то, можетъ быть, мое чтеніе понравилось бы Шишкову: въ Казани всѣ были въ восхищеніи отъ моей декламаціи и игры на театрѣ... Но какъ же это сдѣлать?...“. Подобныя дѣтскія мысли осаждали всю ночь мою горячую голову. Я уснулъ уже къ утру, и цѣлымъ получасомъ опоздалъ пріѣхать къ Казначееву.

Въ переулкѣ съ Литейной, называемомъ Фурштатскимъ, противъ лютеранской кирки, стоялъ небольшой каменный, двухъэтажный домикъ (вѣроятно, стоитъ и теперь), оконъ въ восемь, какого-то зеленоватаго цвѣта, весьма скромной наружности: это былъ собственный домъ Александра Семеновича Шишкова. Мы въѣхали подъ него въ ворота и поднялись во второй этажъ, по темной, узкой и нечистой лѣстницѣ. Не спрашивая о хозяинѣ, Казначеевъ ввелъ меня изъ прихожей въ столовую и остановился у дверей кабинета, поглядѣлъ въ замоч-

ную скважину и сказалъ: „Дядя тутъ; не пишетъ, а что-то читаетъ; вѣрно, ждетъ насъ". Онъ хотѣлъ отворить дверь, но я удержалъ его, чтобъ перевесть духъ. Сердце билось у меня, какъ голубь въ клѣткѣ, и дыханіе стѣснялось. Черезъ минуту мы вошли. Кабинетъ былъ маленькій, голубой, съ двумя окошками въ переулокъ; между ними помѣщался большой письменный столъ, загроможденный книгами и бумагами; на окошкахъ стояли банки съ сухимъ кіевскимъ вареньемъ и конфетами, а на столѣ — большая стекляная банка, почти наполненная до верху восковыми шарами и шариками [1]. Вокругъ на горкахъ и на полу лежало много книгъ и тетрадей. Все было въ пыли и безпорядкѣ, какъ называютъ и теперь порядокъ въ кабинетѣ ученаго, серьезно занятаго дѣломъ человѣка.

Александръ Семеновичъ былъ въ шелковомъ полосатомъ шлафрокѣ съ поясомъ, съ голой шеей и грудью; на ногахъ у него были кожаные, истасканные ичиги (спальные сапоги); онъ имѣлъ средній ростъ, сухощавое сложеніе, волосы сѣдые съ желтизной; лицо у него было поразительно блѣдно; темно-каріе, небольшіе глаза, очень живые, проницательные, воспламеняющіеся мгновенно, выглядывали изъ-подъ нависшихъ бровей; общее выраженіе физіономіи казалось сухо, холодно и серьезно, когда не было одушевлено улыбкой — самой пріятной и добродушной. Онъ не вдругъ увидѣлъ насъ, но увидѣвъ, положилъ книгу, всталъ и сказалъ мнѣ: „Я радъ, что вы встрѣтились и подружились съ Казначеевымъ. Вы оба русскіе люди, будете вмѣстѣ

[1] Шишковъ имѣлъ привычку, занимаясь чтеніемъ и размышленіемъ, скатывать восковые шарики, обирая и общипывая воскъ со свѣчей. Онъ очень любилъ разныя лакомства, особенно плоды и ягоды.

служить и ходить ко мнѣ, я стану толковать съ вами и что-нибудь читать, и хорошее и худое; худого больше, но есть и хорошее. Вотъ я сейчасъ читалъ поэму „Петръ Великій"; ее всѣ журналы будутъ бранить, я напередъ знаю; а въ ней есть такія красоты, какихъ немного у Державина, да и у Ломоносова". Онъ сѣлъ на свои кресла передъ столомъ, и мы сѣли безъ приглашенія на ближайшіе стулья. Онъ взялъ книгу и принялся читать съ самаго начала, съ посвященія, въ которомъ особенно нравились ему стихи:

Изъ чащи лавровой, цвѣтущей при Полтавѣ,
Гордящейся Петромъ, восходитъ къ небесамъ
Безсмертный памятникъ его безсмертной славѣ.
Кто чтитъ достоинства, достопочтенъ и самъ.

Чтеніе его было тихо, однообразно, но естественно, произношеніе чисто и явственно, но въ то же время съ какимъ-то стариковскимъ бормотаньемъ и процѣживаньемъ словъ сквозь зубы; онъ читалъ съ большимъ одушевленіемъ и небольшими жестами правой рукой. Сначала мнѣ не понравилось чтеніе; но скоро я прислушался, привыкъ къ его недостаткамъ или особенностямъ, и оно такъ увлекло меня внутренней силой и теплотою, что князь Шихматовъ показался мнѣ великимъ поэтомъ, а Шишковъ такимъ чтецомъ, при которомъ мнѣ не должно и читать. Читая, Шишковъ нерѣдко останавливался и восклицалъ: „Какое великолѣпіе! Какая красота! Какое знаніе языка славянскаго, то есть русскаго! Вотъ что значитъ, когда стихотворецъ начитался книгъ священнаго писанія! А между тѣмъ при слѣдующихъ стихахъ", продолжалъ онъ:

Не сломятъ вѣки, ни стихіи,
Ни ковы всѣхъ наземныхъ бѣдъ,

сейчасъ остановятся и скажутъ: что это за наземныя бѣды? Ужъ не навозныя ли? Подумаютъ, что это слово выдумано Шихматовымъ; неправда, оно точно въ этомъ смыслѣ употреблено въ священномъ писаніи. Ну, что можетъ быть лучше этихъ выраженій:

Не терпитъ сердце нѣмоты;
Приди, витійство простоты,
И смѣлость мнѣ вдохни, природа!

или, напримѣръ:

Какъ зимній день бѣлѣютъ мраки,
И утро съ розовымъ лицомъ,
Гоня зловидные призраки,
Блистая златомъ, багряцомъ,
Дыша живительной прохладой,
Бѣлитъ и горы и поля;
Сребромъ усыпана земля
Всемѣстной полнится отрадой.
Насталъ пріятный первый шумъ,
Преторглась цѣпь нощнаго плѣна,
И путникъ, преклонивъ колѣна,
Вперилъ къ Востоку взоръ и умъ.
Се солнце, искра славы Бога,
Изъ бездны исходитъ, какъ женихъ
Младый отъ брачнаго чертога.

Это все красоты первоклассныя, или заимствованныя изъ книгъ священнаго писанія, или составленныя по ихъ духу. Да покажите мнѣ, много ли такихъ красотъ найдется у нашихъ знаменитыхъ писателей? А вотъ попадется слово, котораго значеніе не поймутъ въ стихѣ:

Богатствъ дражайшіе дары,

и станутъ смѣяться: дражайшій даръ, какъ уморительно смѣшно! А ничего смѣшного нѣтъ. Дра-

жайшій — значитъ драгоцѣннѣйшій, это превосходная степень, а потому стихъ:

Богатствъ дражайшіе дары...

значитъ дары, которые драгоцѣннѣе богатствъ. Наперед знаю, что наши безграмотные журналы подымутъ насмѣхъ слѣдующіе превосходные стихи, красоты выраженія которыхъ всѣ почерпнуты изъ священнаго писанія:

Течетъ исполнь красы и мира...

или:

Такъ зависть поучась въ крамолѣ...

или:

И къ смерти прилагаютъ смерть...

или:

Отъ скалъ сложенныя громады...

Пожалуй иной литераторъ подумаетъ, что отъ поставлено ошибкой вмѣсто изъ. Или:

Трясется онъ отъ основаній..

или:

Пасутся сочностію травъ...

и неисчетное множество тому подобныхъ превосходныхъ выраженій. И не мудрено: они не смыслятъ корня русскаго языка, то-есть славянскаго. Далѣе:

Утѣха взору и гортани ..
Висятъ червленные плоды...

Какъ хороши эти два стиха! Это прелесть, а, пожалуй, не поймутъ слово червленные и подумаютъ, что червивые. Шихматовъ говоритъ, что весенніе вѣтерки:

На воздухъ разсыпаютъ сладость..
Окравъ душистые шипки...

и это превосходно, но большая часть читателей не поймутъ словъ: окравъ и шипки, а между тѣмъ, какое живописное изображеніе, что вѣтерки, пролетая по цвѣтамъ, похищаютъ, окрадываютъ ихъ душистые, распускающіеся шипки, то-есть цвѣточныя распуколки, и такимъ образомъ наполняютъ сладостнымъ благовоніемъ воздухъ. — Ну, послушайте, какое великолѣпное описаніе кораблестроенія:

Туда, по волѣ человѣка,
Корнисты сѣвера сыны,
Надменны долготою вѣка,
Стеклись съ кремнистой вышины,
И тамъ искусствомъ искривленны,
Да съ бурями воюютъ вновь...

Послѣдній стихъ такъ многозначителенъ, что я не знаю ему равнаго. Я также ничего не знаю лучше, во всѣхъ мнѣ извѣстныхъ литературахъ, слѣдующаго описанія спуска корабля:

При звукахъ радостныхъ, громовыхъ,
На брань отъ пристани спѣша,
Вступаетъ въ царство волнъ суровыхъ.
Дубъ — тѣло, вѣтръ — его душа,
Хребетъ его — въ утробѣ бездны;
Высоки щоглы — въ небесахъ,
Летитъ на легкихъ парусахъ,
Отвергнувъ весла безполезны;
Какъ жилы напрягаетъ снасть,
Вмѣщаетъ силу съ быстротою,
И, гордъ своею красотою,
Надъ моремъ воспріемлетъ власть.

Тутъ есть такіе три стиха (4, 5 и 6), которымъ должны позавидовать и древніе, и новые стихотворцы" [1].

---

[1] Шишковъ читалъ многимъ поэму Шихматова, переплетенную съ бѣлыми листами, исписанными множествомъ его собственноручныхъ отмѣтокъ, замѣчаній и объясненій. Онъ наблюдалъ такой порядокъ:

Чтеніе въ такомъ родѣ, замѣчанія и разсужденія Шишкова продолжались часа два. Казначеевъ и я слушали и молчали, изъявляли только по временамъ наше полное согласіе съ мнѣніями и выводами хозяина, хотя нѣкоторыя похвалы и казались намъ преувеличенными. Вдругъ дверь въ кабинетъ изъ столовой нѣсколько отворилась, и рѣзкій женскій голосъ сказалъ: „Александръ Семенычъ! Тебѣ пора въ Адмиралтейство! Тебя тамъ сегодня ждутъ. Ты обѣщалъ быть въ двѣнадцать часовъ, а теперь половина второго". — „Сейчасъ, сейчасъ! — отвѣчалъ онъ просительнымъ тономъ, — вотъ только прочту нѣсколько куплетовъ". — Тотъ же женскій голосъ, тономъ неумолимой гувернантки, возразилъ: „Этому чтенію и конца не будетъ. Ѳедоръ! подавай одѣваться Александру Семенычу"... И Ѳедоръ вошелъ съ платьемъ. Шишковъ дочиталъ только куплетъ, положилъ книгу и сказалъ: „Вы у насъ обѣдаете. Я скоро ворочусь; мнѣ хочется показать вамъ въ этой поэмѣ одно мѣсто и объяснить, откуда Шихматовъ заимствовалъ его красоты. Ступайте теперь къ женѣ". Мы вышли. Я былъ озадаченъ. Хотя я увлекался чтеніемъ и горячими чувствами Шишкова, хотя многіе стихи, на которыхъ онъ останавливался, точно были хороши, и я восхищался ими, но не всѣ объясненія красотъ „Петра Великаго" показались мнѣ удовлетворительными; притомъ мнѣ

сначала прочитывалъ цѣлый куплетъ, а потомъ возвращался къ замѣченному слову и выраженію. Я, познакомясь короче, списалъ себѣ въ особый экземпляръ всѣ замѣчанія Шишкова; но потерялъ его и теперь пишу на память. Я могъ бы припомнить гораздо больше, но считаю достаточнымъ этого образчика. По совѣсти долженъ я сказать, что Александръ Семеновичъ употреблялъ хитрость, читая Шихматова: онъ выбиралъ или лучшія мѣста, или такія выраженія, которыя, будучи имъ объяснены, переставали, какъ онъ думалъ, казаться читателю странными.

было какъ-то больно, что онъ не обратилъ собственно на меня ни малѣйшаго вниманія: я забылъ, что наканунѣ признавалъ себя совершенно его недостойнымъ. Странно мнѣ показалось и то, что Казначеевъ, говорившій о дядѣ заочно съ благоговѣніемъ, обращался съ его личностью какъ-то слишкомъ запросто; голосъ же жены Шишкова (какъ я догадался), въ которомъ не было замѣтно никакого уваженія, а, напротивъ, слышалась привычка повелѣвать, поселилъ во мнѣ сильное предубѣжденіе противъ этой женщины, несмотря на то, что Казначеевъ уже успѣлъ сказать мнѣ, что она добрѣйшее существо въ мірѣ. Подъ такимъ впечатлѣніемъ вошелъ я въ гостиную, гдѣ Дарья Алексѣевна (такъ звали жену Шишкова) [1] сидѣла за рабочимъ столикомъ у окошка; она приняла меня очень просто и ласково, хотя вообще обращеніе ея было сухо; попросила сѣсть возлѣ себя и, не переставая усердно что-то шить, разспросила обо всемъ, до меня и моего семейства касающемся, со всѣми мельчайшими подробностями. Узнавъ, что со мною живетъ братъ, двѣнадцатилѣтній мальчикъ, она настоятельно потребовала, чтобъ я на другой же день привезъ его къ ней, прибавя: „Изъ вашихъ словъ я вижу, что вы хорошій братъ и неохотно оставляете его одного дома, а потому всегда привозите его къ намъ, съ собой; у насъ воспитываются двое родныхъ племянниковъ Александра Семеновича, а потому вашему брату будетъ не скучно. Я сама занимаюсь воспитаніемъ

[1] Урожденная Шельтингъ. Она была голландка и лютеранка. Дѣдъ ея былъ приглашенъ изъ Голландіи въ русскую службу и дослужился до адмиральскаго чина. По-французски она говорила очень плохо, за что и страдала впослѣдствіи въ большомъ свѣтѣ, куда судьба неожиданно ее заташила. Она вышла за Шишкова вдовою; но я забылъ фамилію перваго ея мужа.

племянниковъ и строго смотрю за ихъ нравственностью. Я увѣрена, что вашъ братъ мальчикъ неиспорченный. Мы обѣдаемъ въ половинѣ четвертаго. Милости прошу обѣдать хоть всякій день, или хоть вмѣстѣ съ Казначеевымъ, который съ двумя своими родственниками [1] обѣдаетъ у насъ три раза въ недѣлю. Сегодня же непремѣнно прошу обѣдать съ нами. Итакъ, прощайте покуда".

Мы вышли. Уже былъ третій часъ. Мы предполагали часу въ первомъ уѣхать отъ Шишкова и отправиться въ Комиссію составленія законовъ; но теперь уже было поздно, и мы рѣшились совсѣмъ не являться туда, а пошли гулять по Литейной, въ ожиданіи времени обѣда. Тутъ Казначеевъ многое объяснилъ мнѣ и много разсказалъ такого, что мнѣ нужно было знать предварительно. Между прочимъ, онъ поздравилъ меня съ тѣмъ, что я понравился его дядѣ и теткѣ (впослѣдствіи мы всегда ихъ такъ звали). Я захохоталъ: „Да помилуй, возразилъ я, онъ не сказалъ со мною ни одного слова". Но Казначеевъ увѣрялъ, что ничего не значитъ; что онъ хорошо знаетъ своего дядю; что если бъ я ему не полюбился, то онъ не продержалъ бы насъ два часа; что, говоря и читая, онъ все относился ко мнѣ и смотрѣлъ на меня, и что онъ изъ выраженія глазъ его замѣтилъ, что я пришелся ему по сердцу. „Что же касается до тетки, — прибавилъ онъ, — то я не видывалъ, чтобы она къ кому-нибудь была такъ съ перваго разу благосклонна, какъ къ тебѣ". Хотя, по-моему, очевидность тому противорѣчила, но я не могъ не повѣрить Казначееву, въ искрен-

[1] Они вовсе не были родня Казначееву, но онъ назвалъ ихъ родственниками, чтобы имѣть болѣе права познакомить своихъ пріятелей съ домомъ дяди.

ности котораго невозможно было сомнѣваться. Тутъ узналъ я, что дядя его, этотъ разумный и многоученый мужъ, ревнитель цѣлости языка и русской самобытности, твердый и смѣлый обличитель торжествующей новизны и почитатель благочестивой старины, этотъ открытый врагъ слѣпого подражанья иностранному — былъ совершенное дитя въ житейскомъ быту; жилъ самымъ невзыскательнымъ гостемъ въ собственномъ домѣ, предоставя все управленію жены и не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, что вокругъ него происходило; что онъ зналъ только ученый совѣтъ въ Адмиралтействѣ да свой кабинетъ, въ которомъ коптѣлъ надъ словарями разныхъ славянскихъ нарѣчій, надъ старинными рукописями и церковными книгами, занимаясь корнесловіемъ и сравнительнымъ словопроизводствомъ; что, не имѣя дѣтей и взявъ на воспитаніе двухъ родныхъ племянниковъ, отдалъ ихъ въ полное распоряженіе Дарьѣ Алексѣевнѣ, которая, считая всѣ убѣжденія супруга патріотическими бреднями, наняла къ мальчикамъ француза-гувернера [1] и помѣстила его возлѣ самаго кабинета своего мужа; что родные его жены (Хвостовы), часто у ней гостившіе, сама Дарья Алексѣевна и племянники говорили при дядѣ всегда по-французски... Я разинулъ ротъ отъ удивленія! Такое несходство слова съ дѣломъ казалось мнѣ непостижимо. Что долженъ былъ я подумать о Шишковѣ? Въ истинности его убѣжденій сомнѣваться было невозможно; итакъ, это жалкая слабость характера?.. но мнѣ не хотѣлось допустить такой мысли — и крѣпко смутилась моя молодая голова! Признаюсь, смущало меня и то, что у пра-

[1] Этотъ французъ умѣлъ поддѣлаться впослѣдствіи къ Шишкову похвалами Россіи и русскому языку.

вославнаго Шишкова — жена лютеранка!.. Въ половинѣ четвертаго мы были въ гостиной, гдѣ нашли тетку, двухъ ея племянницъ, дѣвицъ Хвостовыхъ, и двухъ молодыхъ людей, пріятелей Казначеева, Хвощинскаго и Татаринова, съ которыми я уже познакомился поутру, потому что они жили на одной квартирѣ съ Казначеевымъ. Племянники Александра Семеновича, также гулявшіе передъ обѣдомъ съ гувернеромъ, воротились въ одно время съ нами; черезъ нѣсколько минутъ пріѣхалъ дядя. Не дожидаясь, пока онъ переодѣнется, хозяйка велѣла подавать кушанье и повела гостей за столъ. Возлѣ мѣста, на которомъ обыкновенно садился Шишковъ, она пригласила сѣсть меня; Казначеевъ сѣлъ по другую его сторону. Дядя, перемѣнивъ только мундиръ на халатъ и сапоги на ичиги, шаркая ногами по полу, или какъ-то таская ихъ по-стариковски, торопливо вышелъ изъ кабинета, сѣлъ между мною и Казначеевымъ и молча занялся сначала своей стынувшей тарелкой супа, потомъ обратился ко мнѣ и принялся разсказывать свой споръ въ адмиралтейскомъ совѣтѣ за какого-то русскаго морского офицера, которому, совершеннно несправедливо, предпочитали нѣмца. Дядя, безъ всякой, впрочемъ, ласковости, говорилъ со мною такъ просто, такъ по-домашнему, какъ будто я вѣкъ былъ его семьяниномъ, и скоро мнѣ самому показалось, что я давно и коротко знакомъ съ хозяиномъ и со всѣми его интересами. Я замѣтилъ, что Дарья Алексѣевна улыбалась, смотря на насъ, и говорила что-то съ другими. Въ продолженіе всего обѣда, чрезвычайно умѣреннаго, дядя ни съ кѣмъ, кромѣ меня, не сказалъ ни одного слова. Вставъ изъ-за стола, онъ сейчасъ увелъ насъ съ Казначеевымъ въ кабинетъ и около

часу читалъ поэму Шихматова и объяснялъ то мѣсто, которое хотѣлъ указать намъ. Наконецъ, сказалъ: „Ну, Богъ съ вами, ступайте къ молодежи". Въ гостиной тетка и другіе встрѣтили меня улыбками и поздравленіями, что я буду любимцемъ Александра Семеновича, чему, впрочемъ, никто не завидовалъ, ибо всѣмъ казались бесѣды съ нимъ наединѣ и безконечныя толкованія о славянскихъ корняхъ — смертельною скукою. Я, полагаясь болѣе на слова другихъ, чѣмъ на свое впечатлѣніе, радовался отъ всего сердца такому нежиданному и скорому обороту дѣла, — но поспѣшилъ домой: въ первый разъ случилось, что братъ долженъ былъ обѣдать одинъ и даже не зналъ, гдѣ я. Воротясь, я нашелъ его въ безпокойствѣ обо мнѣ; онъ даже еще не обѣдалъ; а какъ я самъ былъ голоденъ послѣ діэтнаго нѣмецкаго стола у Шишковыхъ, то и пообѣдали мы очень плотно своими тремя сытными русскими блюдами. Я разсказалъ брату всѣ малѣйшія подробности новаго знакомства и назначилъ ѣхать послѣ-завтра вмѣстѣ съ нимъ къ Шишкову. Первое мое съ нимъ свиданіе такъ врѣзалось въ моей памяти, что я могъ разсказать его съ изумительною (для меня самого) точностью; дальнѣйшіе мои разсказы не могутъ быть такъ подробны.

Брата моего приняла тетка очень ласково и радушно; дядя по своему обыновенію не обратилъ на него ни малѣйшаго вниманія. Съ молодыми племянниками Шишкова, или, лучше сказать, со старшимъ, съ Сашей (иначе называть его не позволяли), братъ мой скоро подружился; меньшой же, Митя, былъ слишкомъ молодъ, да и какъ-то страненъ. Саша, извѣстный впослѣдствіи въ русской литературѣ подъ именемъ „Шишкова 2-го", былъ тогда блистатель-

нымъ и очаровательнымъ мальчикомъ. Много возбуждалъ онъ великихъ надеждъ своимъ рановременнымъ умомъ и яркими признаками литературнаго таланта. Тетка обожала его, какъ говорится, и, несмотря на свою практическую разсудительность, совершенно испортила своего любимца. Исключительное женское воспитаніе рѣдко удается. Черезъ нѣсколько лѣтъ не могла она сладить съ Сашей, и онъ поступилъ въ военную службу, прямо въ офицеры молодой гвардіи и прямо въ адъютанты, кажется, къ генералу Каблукову. Саша немедленно сдѣлался отчаяннымъ повѣсой, былъ сосланъ на Кавказъ, ушелъ изъ-подъ караула и, будучи арестантомъ, увезъ молодую дѣвушку и женился на ней, жилъ въ крайней бѣдности, погубилъ свой замѣчательный талантъ, работая для денегъ, и, наконецъ, погибъ трагическою, всѣмъ извѣстною смертью.

Наши посѣщенія дома Шишковыхъ устроились правильнымъ образомъ: три раза въ недѣлю мы съ братомъ у нихъ обѣдали и проводили иногда вечера, вмѣстѣ съ Казначеевымъ и его мнимыми родственниками и нерѣдко съ семействомъ Хвостовыхъ. По вечерамъ дядя уѣзжалъ въ гости или въ клубъ, гдѣ онъ велъ крупную игру. Онъ былъ отличный мастеръ играть во всѣ коммерческія игры и особенно въ рокомболь, и всегда много выигрывалъ. Я послѣ узналъ, что онъ въ молодости былъ сильный банковый игрокъ. Хотя я пріѣзжалъ и приходилъ изъ Комиссіи составленія законовъ довольно поздно, иногда передъ самымъ обѣдомъ, но всегда проходилъ прямо въ кабинетъ дяди, и вмѣстѣ уже съ нимъ садился за столъ, постоянно подлѣ него. Послѣ обѣда почти всегда онъ приглашалъ меня въ кабинетъ, иногда безъ Казначеева, и толковалъ со

мною о любимыхъ своихъ предметахъ: о тождествѣ языка русскаго и славянскаго, о красотахъ священнаго писанія, о русскихъ народныхъ пѣсняхъ, о порчѣ языка по милости карамзинской школы и пр. и пр. Я постепенно перешелъ изъ безмолвнаго слушателя въ собесѣдника. Иногда я возражалъ Александру Семеновичу, и онъ, оспаривая меня, признавалъ нерѣдко, хотя одностороннюю, правду и значительность возраженія; въ такомъ случаѣ онъ обыкновенно отмѣчалъ въ тетради: „такое-то возраженіе нужно хорошенько объяснить и опровергнуть". Всѣ наши разговоры вошли въ составъ „Разговоровъ о словесности" между двумя лицами: Азъ и Буки, напечатанныхъ года черезъ два. Я не могъ не смѣяться, читая ихъ, потому что нерѣдко узнавалъ себя подъ буквою Азъ, и весьма часто съ невыгодной стороны.

Между тѣмъ, время шло. Я привязался всею душою къ Шишкову и хотя никогда не слыхивалъ отъ него ласковаго слова, но видѣлъ изъ выраженія его глазъ, слышалъ по голосу, какъ онъ былъ доволенъ, когда я входилъ къ нему въ кабинетъ. Нечего и говорить, что съ первой минуты нашего знакомства я сталъ искать благосклонности старика съ такимъ жаромъ и напряженнымъ вниманіемъ, съ какимъ не искалъ во всю мою жизнь ни въ одной женщинѣ. Это дѣлалось безсознательно съ моей стороны, но всѣ окружающіе замѣчали мои поступки и нерѣдко смѣялись мнѣ въ глаза; сама тетка говаривала, что я влюбленъ въ ея мужа и волочусь за нимъ изо всѣхъ силъ. Я конфузился, но продолжалъ держать себя попрежнему. — Сначала нерѣдко случалось, что отворишь дверь въ кабинетъ Шишкова, и онъ, если занятъ серьезно, то кивнетъ

головою и скажетъ: „А, здравствуй“, но не отодвинетъ книги или тетради и не прибавитъ: „ну, садись, потолкуемъ“. (Я забылъ сказать, что черезъ недѣлю послѣ перваго свиданія, или, лучше сказать, при первомъ употребленіи второго лица, дядя началъ говорить мнѣ ты.) Въ настоящее же время тетрадь или книга уже постоянно отодвигалась при моемъ появленіи, такъ что я самъ, зная, чѣмъ хозяинъ занятъ, не входилъ иногда къ нему въ кабинетъ, или, поздоровавшись, сейчасъ уходилъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ.

Наконецъ, вышло изъ-подъ спуда мое умѣнье читать или декламировать. Казначеевъ съ родственниками, Хвощинскимъ и Татариновымъ, которые такъ и остались навсегда его родней, наговорили о моемъ чтеніи теткѣ и Хвостовымъ, и меня стали просить прочитать что-нибудь. Я сталъ читать: чтеніе всѣмъ понравилось, и тетка одинъ разъ за обѣдомъ вдругъ обратилась къ мужу и сказала: „А ты, Александръ Семенычъ, и не знаешь, что Сергѣй Тимоѳеичъ большой мастеръ читать?“ Шишковъ, конечно, не зналъ, то есть слушалъ, да забылъ, какъ меня зовутъ, и я примѣтилъ, что онъ старался вспомнить: кто такой Сергѣй Тимоѳеичъ? Я поспѣшилъ вывесть его изъ недоумѣнія и сказалъ, что очень желаю прочесть ему что-нибудь, и, обратясь къ Дарьѣ Алексѣевнѣ, прибавилъ, что Александръ Семенычъ самъ превосходно читаетъ, и что я боюсь его суда. Дядя промолчалъ; но послѣ обѣда, не уходя изъ гостиной, онъ сказалъ: „Ну, прочти же что-нибудь“. Я сейчасъ сбѣгалъ въ его кабинетъ, принесъ Ломоносова и прочелъ „Размышленіе о Божьемъ величіи“. Дядя былъ такъ доволенъ, что заставилъ меня прочесть другую пьесу, потомъ третью,

четвертую и, наконецъ, примѣтя или подумавъ, что для другихъ это скучно, увелъ меня въ кабинетъ, гдѣ я читалъ ему на просторѣ изъ Державина, Капниста и даже изъ князя Шихматова, по крайней мѣрѣ, часа полтора. Я долженъ признаться, что чтеніе изъ Шихматова было съ моей стороны волокитство! Дядя, очевидно, былъ очень доволенъ чтеніемъ, иначе онъ не заставилъ бы меня читать такъ долго, но не похвалилъ ни однимъ словомъ и потомъ уже никогда не поминалъ объ этомъ, чѣмъ я не мало огорчался. Но зато чтеніе въ гостиной продолжалось съ возрастающимъ успѣхомъ. Кромѣ всегдашняго мужского общества, слушательницами были: Катерина Алексѣевна Хвостова, родная сестра хозяйки (женщина замѣчательная по уму и прекраснымъ качествамъ), двѣ ея незамужнія дочери, дѣвица Турсукова, сочинительница Анна Петровна Бунина и другіе. Я перешелъ къ чтенію драматическихъ пьесъ; между прочимъ, я прочелъ Озерова „Эдипа“ и „Фингала“ и, наконецъ, чью-то комедію. Чтеніе послѣдней родило мысль, что какъ было бы хорошо устроить домашній спектакль. Надобно сказать, что тетку всѣ считали очень скупою; въ самомъ же дѣлѣ она была только разсчетлива, да и поступать иначе не могла, ибо доходы Шишкова, довольно ограниченные, состояли въ одномъ жалованьѣ. Мысль о театрѣ понравилась Дарьѣ Алексѣевнѣ по многимъ отношеніямъ, но расходы ужаснули, и сначала эта мысль была совершенно отвергнута ею, какъ невозможная въ исполненіи. Конечно, я болѣе всѣхъ желалъ, чтобы у Шишковыхъ устроились благородные спектакли. Самолюбіе мое было очень уже обольщено и даже избаловано еще въ Казани, гдѣ на университетскомъ театрѣ, посѣщаемомъ лучшею пу-

бликой, я игралъ очень много, всегда съ блистательнымъ успѣхомъ. Громъ рукоплесканій сладокъ и дымъ похвалъ упоителенъ: я отвѣдалъ этой сладости и дыма — и чадъ не выходилъ изъ моей головы. Кромѣ причинъ, мною высказанныхъ, у меня была своя особенная, секретная причина: я, съ пріѣзда моего въ Петербургъ, всякій свободный вечеръ проводилъ у Шушерина, съ которымъ мы постоянно занимались сценическимъ искусствомъ, то есть читали, разыгрывали пьесы и разсуждали объ ихъ исполненіи. Мои понятія расширились, уяснились; я узналъ много новаго, сдѣлалъ, какъ умѣлъ, подъ руководствомъ Шушерина, много перемѣнъ въ своей игрѣ на театрѣ — и мнѣ хотѣлось посмотрѣть самому на себя, сравнить свою настоящую игру съ прежнею. Впрочемъ, надо сказать правду, что и кромѣ удовлетворенія собственнаго самолюбія, я имѣлъ настоящее призваніе и любовь къ театру. Это доказывалось тѣмъ, что я съ равнымъ жаромъ занимался успѣхомъ тѣхъ пьесъ, въ которыхъ самъ не игралъ. Рѣшительный отказъ тетки былъ для меня очень тяжелъ. Но скоро новый опытъ моего дарованія, при чтеніи какой-то слезной драмы Коцебу, вновь увлекъ наше общество, и всѣ рѣшились вновь атаковать Дарью Алексѣевну. Для вѣрнѣйшаго успѣха пригласили на чтеніе Петра Андреевича Кикина [1], котораго

[1] Петръ Андреевичъ Кикинъ былъ однимъ изъ самыхъ горячихъ и рѣзкихъ тогдашнихъ славянофиловъ: онъ сдѣлался такимъ вдругъ, по выходѣ книги Шишкова: „Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ". До того времени онъ считался блестящимъ острякомъ, французолюбцемъ и свѣтскимъ модянымъ человѣкомъ, какъ онъ разсказывалъ мнѣ и Казначееву. Книга Шишкова образумила и обратила его, и онъ написалъ на ней: „Mon Evangile". Я видѣлъ самъ эту надпись и, хотя былъ очень молодъ, но мнѣ показалось это смѣшно. Въ свѣтѣ называли Кикина новообращеннымъ, новокрещеннымъ ренегатомъ, и точно какъ человѣкъ, перешедшій быстро отъ одного убѣжденія къ другому онъ слишкомъ горячился и впадалъ въ крайности, которыя никогда не

хозяева очень любили и уважали: онъ остался весьма доволенъ и принялъ живое участіе въ нашемъ предпріятіи. Напали на самую слабую сторону тетки: представили, какъ полезна будетъ игра на сценѣ для образованія наружности ея племянниковъ, то есть старшаго, обожаемаго Саши, который прекрасно читалъ и грезилъ день и ночь желаніемъ играть на театрѣ. Безъ сомнѣнія, онъ былъ сильнѣйшимъ нашимъ орудіемъ. Главное затрудненіе — расходы — устранилось отчасти тѣмъ, что мы вызвались сами написать занавѣсъ и декораціи, наклеить ихъ на рамы и, безъ всякаго машиниста, съ однимъ простымъ плотникомъ, взялись устроить сцену, къ чему Хвощинскій, необыкновенный мастеръ на всѣ ремесла и даже женскія рукодѣлія, оказался вполнѣ способнымъ. Наконецъ, обольстили тетку: она согласилась, и уже горячо взялась за дѣло. Для начала выбрали двѣ дѣтскія пьески изъ „Театра для дѣтей“ М. Невзорова; одна называлась „Старорусинъ“ или „Семейство Старорусиныхъ“ — не ручаюсь за точность названія, но я самъ игралъ отца семейства, отставного служаку, господина Старорусина, котораго слова были отраженіемъ русскаго направленія Александра Семеновича Шишкова. Какъ называлась другая пьеса — рѣшительно не помню. Племянники Шишкова и мой братъ играли женскія лица. Положено было сдѣлать сюрпризъ дядѣ нашимъ спектаклемъ; ему сказали, что въ залѣ надобно произвести передѣлки, затворили ее и заперли двери; обѣдъ перенесли въ ма-

---

ведутъ къ убѣжденію другихъ. Онъ безпощадно и грубо, прямо въ глаза, казнилъ своихъ прежнихъ знакомыхъ мужчинъ, дамъ и дѣвицъ, недавно знавшихъ его совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Онъ продолжалъ считаться острякомъ, и языкъ его называли бритвой. Съ глубокимъ уваженіемъ предался онъ Шишкову, который самъ очень его любилъ и уважалъ.

ленькую столовую, что и прежде случалось, когда не было никого постороннихъ. Впрочемъ, для дяди не нужны были такiя предосторожности: разъ какъ-то, нечаянно, онъ заглянулъ въ залу прямо изъ лакейской, увидѣлъ насъ безъ фраковъ, въ фартукахъ, запачканныхъ красками и — даже не спросилъ, что это значитъ. Денегъ у тетки на устройство театра взяли только сто рублей ассигнацiями, приложили столько же своихъ и обманули ее, ставя въ расходъ всѣ цѣны вдвое меньше. Короткiе знакомые Шишкова, какъ-то: Бакунины, Мордвиновы, Кутузовы, Турсуковы и другiе, скоро узнали секретъ; но дядя не зналъ ничего. Костюмы собрали кое-какъ безъ всякихъ расходовъ. Я помню, что игралъ Старорусина, отставленнаго съ екатерининскимъ мундиромъ, въ военномъ сюртукѣ Кикина, бывшаго тогда флигель-адъютантомъ, и что я въ первый разъ, и безъ всякой надобности, явился на сценѣ въ шпорахъ. Какъ бы то ни было, рѣшительный вечеръ наступилъ (кажется, въ чьи-то именины); приглашенные гости, всѣ коротко знакомые хозяевамъ, съѣхались. Отперли, растворили двери въ освѣщенную залу, и Шишковъ, ничего не подозрѣвая, думая, что всѣ идутъ смотрѣть обыкновенные дѣтскiе танцы, велъ подъ руку жену Кутузова. Дядя не вдругъ увидѣлъ занавѣсъ: онъ былъ не верхоглядъ и всегда смотрѣлъ себѣ подъ ноги, потому что былъ ими слабъ; но зала, тѣсно заставленная стульями, его поразила. „Что это?“ сказалъ онъ, остановясь и оглядываясь, „скажите, пожалуйста, театръ, вѣдь я ничего не зналъ!“ Общiй веселый смѣхъ и рукоплесканiя раздались между гостями... Я не помнилъ себя отъ радости и дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, смотря на публику въ отверстiе, прорѣзанное на занавѣсѣ. Спектакль про-

шелъ благополучно, осыпаемый рукоплесканіями зрителей и зрительницъ, разумѣется, изъ одного желанія сдѣлать удовольствіе хозяевамъ. Надо признаться въ непростительной и нелѣпой дерзости, на которую подбили меня совѣты другихъ и на которую рѣшился я чуть ли не съ согласія Дарьи Алексѣевны: играя свою роль, я подражалъ нѣсколько выговору, походкѣ и вообще манерамъ Александра Семеновича — однимъ словомъ, я передразнивалъ его. Это было замѣчено многими гостями и заставило ихъ смѣяться; но, разумѣется, дядя ничего не замѣтилъ. Тетка сказала, однако, послѣ спектакля въ услышаніе всѣмъ: „Сергѣй Тимоѳеевичъ такъ любитъ моего мужа, что даже походилъ на него въ роли Старорусина". — Безъ всякаго самолюбія я скажу, что моя игра на театрѣ слишкомъ рѣзко отличалась отъ игры другихъ. Несмотря на молодость, я уже былъ опытный актеръ: я съ пятнадцати лѣтъ постоянно изучалъ и разыгрывалъ разныя роли, если не на сценѣ, не передъ зрителями, то у себя въ комнатѣ, передъ самимъ собою; въ настоящее же время, въ этомъ страстно любимомъ занятіи руководствовалъ мною, какъ я уже сказалъ, знаменитый тогда актеръ Яковъ Емельяновичъ Шушеринъ. Я имѣлъ рѣшительный сценическій талантъ, и теперь думаю, что театръ былъ моимъ настоящимъ призваніемъ. Старики-посѣтители, почетные гости Шишковыхъ, замѣтили меня, и Н. С. Мордвиновъ (будущій графъ), М. И. Кутузовъ (будущій свѣтлѣйшій князь Смоленскій), М. М. Бакунинъ, а болѣе всѣхъ жена Кутузова, знаменитая своей особенной славой, женщина чрезвычайно умная, образованная и страстная любительница театра (извѣстный другъ актрисы Жоржъ) — привѣтствовали меня уже не казенными похвалами, кото-

рыми обыкновенно осыпаютъ съ ногъ до головы всѣхъ безъ безъ исключенія благородныхъ артистовъ. Кутузова изъявила мнѣ искреннее сожалѣніе, что я дворянинъ, что такой талантъ, уже много обработанный, не получитъ дальнѣйшаго развитія на сценѣ публичной — и самолюбіе мое было утѣшено. Дядя былъ совершенно доволенъ; Дарья Алексѣевна увѣряла меня, что никогда не видала его такимъ свѣтлымъ и веселымъ. Но никому изъ насъ отдѣльно онъ не сказалъ благодарнаго или ласковаго слова; бормоталъ только про себя: „хорошо, очень хорошо, какъ будто цѣлый вѣкъ были актерами". На другой же день родилась у него мысль составить еще спектакль и устроить въ немъ сюрпризъ для всѣхъ, особенно для своего друга, Н. С. Мордвинова; сюрпризъ состоялъ въ томъ, чтобы разыграть на итальянскомъ языкѣ двѣ сцены изъ трагедіи Метастазія (кажется, изъ „Александра Македонскаго"), состоящія изъ двухъ лицъ: Александра Македонскаго и пастуха. Жена Мордвинова была англичанка [1], воспитанная въ Италіи, и не знала по-русски: самъ Мордвиновъ и его семейство долго жили въ Италіи и говорили по-итальянски, какъ на своемъ языкѣ. Племянникъ Александра Семеновича, Саша Шишковъ, говорилъ на этомъ языкѣ также очень хорошо: ему назначили играть главную роль пастуха, а братъ мой, не знавшій по-итальянски, долженъ былъ играть Александра; его роль умѣщалась на четырехъ страничкахъ. Дядя написалъ ее своей рукой, въ двухъ экземплярахъ, французскими и русскими буквами, съ обозначеніемъ всѣхъ тончайшихъ словоударенiй; онъ самъ училъ моего брата произношенію съ удиви-

[1] Родная сестра бывшаго нѣкогда одесскимъ комендантомъ генералъ-маіора Кобле.

тельнымъ терпѣніемъ и, говорятъ, довелъ его выговоръ, во всѣхъ пѣвучихъ интонаціяхъ языка, до изумительнаго совершенства. Секретъ былъ сохраненъ строжайшимъ образомъ; репетиціи дѣлались въ кабинетѣ у дяди, и никто изъ знакомыхъ не зналъ о приготовляемомъ сюрпризѣ. Чтобъ не затрудняться постановкой новой пьесы, положили повторить „Старорусина". Должно сказать, что дядѣ было очень пріятно слышать свои мысли съ театральныхъ подмостковъ даже въ своей небольшой залѣ, и мы съ его племянникомъ, Казначеевымъ, замѣтя это, приготовили сюрпризъ ему самому: мы вставили въ роль Старорусина много славянофильскихъ, задушевныхъ мыслей и убѣжденій Шишкова, выбравъ ихъ изъ его печатныхъ и рукописныхъ сочиненій и даже изъ разговоровъ. Черезъ двѣ недѣли дядя поѣхалъ самъ приглашать гостей и пригласилъ столько, что половина ихъ должна была помѣститься въ другой боковой комнатѣ, изъ которой сцены не было видно. Тетка сердилась, ибо, кромѣ тѣсноты, надобно было приготовить ужинъ не только вдвое больше, но и вчетверо дороже, потому что въ числѣ гостей находились люди, уже не коротко знакомые. Дядя, впрочемъ, далъ на ужинъ какія-то особенныя свои деньги. Наконецъ, спектакль былъ сыгранъ. Первая пьеса шла „Старорусинъ"... Увы, дядя не замѣтилъ вставокъ! Только говорилъ, что „Аксаковъ играетъ несравненно лучше прежняго". — Итакъ, нашъ сюрпризъ не удался; но за то сюрпризъ Мордвиновымъ удался вполнѣ: и Николай Семеновичъ, и его жена, и дочери были поражены звуками итальянскаго языка. Нѣсколько мгновеній не могли опомниться отъ изумленія, а потомъ плакали отъ удовольствія, какъ дѣти. Никогда я не забуду этой минуты, когда, по

окончаніи сценъ изъ Метастазія, Мордвиновъ подошелъ къ Шишкову. Прекрасное лицо этого чуднаго старика сіяло радостью, а глаза блистали благодарностью за нѣжное вниманіе къ его семейству. Молча, но краснорѣчиво, обнялъ онъ своего, на морѣ и на сушѣ испытаннаго друга. Если бъ не было между гостями лишнихъ бревенъ, какъ говорится, то есть, лишнихъ людей, то, безъ сомнѣнія, общее удовольствіе было бы гораздо теплѣе, живѣе и выразилось бы съ большей искренностью.

Никого такъ не любилъ и не уважалъ Шишковъ, какъ Николая Семеновича Мордвинова. Его справедливыя и очень смѣло высказываемыя имъ мнѣнія, подаваемыя имъ иногда въ Государственномъ Совѣтѣ противъ единогласныхъ рѣшеній всѣхъ членовъ — въ богатомъ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ, съ собственноручною надписью Шишкова: „золотые голоса Мордвинова“ — постоянно лежали на письменномъ столѣ у дяди въ кабинетѣ. Оба были моряки, и тѣсная дружба соединяла ихъ издавна. Всѣмъ извѣстно, что Николай Семеновичъ Мордвиновъ былъ замѣчательнымъ и достойнымъ уваженія сановникомъ. Нѣкоторые изъ сослуживцевъ его не любили и даже распускали на его счетъ разныя нелѣпыя клеветы; но въ обществѣ, гдѣ онъ былъ необыкновенно любезенъ, его любили и глубоко уважали всѣ. Его старческая красота и благодушная ласковость въ обращеніи имѣли въ себѣ что-то обаятельное. У каждаго, съ кѣмъ говорилъ Мордвиновъ, выражалось на лицѣ удовольствіе. При всякомъ случаѣ, особенно послѣ спектаклей, онъ говорилъ мнѣ нѣсколько любезныхъ словъ, и они долго и пріятно отзывались у меня въ сердцѣ. Онъ имѣлъ привилегію цѣловать

въ губы знакомыхъ дамъ и дѣвицъ, и я помню, что онѣ весьма дорожили его поцѣлуями.

Этотъ спектакль оставилъ надолго пріятное воспоминаніе въ небольшомъ кругѣ добрыхъ знакомыхъ и друзей хозяина; недоброжелатели Шишкова, разумѣется, смѣялись надъ всѣмъ. Вообще, Александръ Семеновичъ и его добрая, достопочтенная, но не аристократичная супруга служили предметомъ насмѣшекъ для всѣхъ зубоскаловъ, которые потѣшали публику нелѣпыми о нихъ разсказами. Исключительный образъ мыслей Шишкова, его рѣзкія и грубыя выходки противъ настоящей жизни общества, а главное противъ французскаго направленія — очень не нравились большинству высшей публики, и всякій, кто осмѣивалъ этого старовѣра и славянофила, имѣлъ вѣрный успѣхъ въ модномъ свѣтѣ. Впрочемъ, надо признаться, что Шишковъ былъ находка, кладъ для насмѣшниковъ: его крайняя разсѣянность, невѣроятная забывчивость и неузнаваніе людей самыхъ короткихъ, несмотря на хорошее зрѣніе, его постоянное устремленіе мысли на любимые свои предметы — служили неизсякаемымъ источникомъ для разныхъ анекдотовъ, истинныхъ и выдуманныхъ. Разсказывали, будто онъ на серьезный вопросъ одного государственнаго сановника отвѣчалъ текстомъ изъ священнаго писанія и цитатами изъ какой-то старинной рукописи, которая тогда исключительно его занимала; будто онъ не узнавалъ своей жены и говорилъ съ нею иногда, какъ съ посторонней женщиной, а чужихъ женъ принималъ за свою Дарью Алексѣевну. Я не считаю, впрочемъ, этого невозможнымъ, потому что самъ былъ свидѣтелемъ вотъ какого случая.

Наступилъ день или, лучше сказать, ночь, назна-

ченная для сожженія великолѣпнаго фейерверка, какого давно не видали въ Петербургѣ, а многіе говорили, что никогда такого и не бывало. Его устроили на судахъ, расположенныхъ на якоряхъ вдоль по Невѣ, противъ Зимняго дворца. Шишковъ имѣлъ небольшую, человѣкъ на двадцать, галлерею или балконъ въ Адмиралтействѣ, откуда почти такъ же хорошо было смотрѣть, какъ изъ дворца. Хотя тетка посердилась, что дядя не умѣлъ себѣ вытребовать лучшаго помѣщенія, но дѣлать было нечего; она взяла свои мѣры и пригласила гостей столько, сколько могло помѣститься. Племянникъ Саша съ большимъ нетерпѣніемъ ожидалъ этого праздника и написалъ даже стихи: „Ожиданіе фейерверка". Всѣхъ стиховъ не помню, но помню, что ловкій мальчикъ умѣлъ приноровиться ко вкусу дяди. Вотъ уцѣлѣвшіе у меня въ памяти первые четыре стиха!

Насталъ, насталъ желанный день!
Спѣши скорѣе ночи тѣнь,
Чтобъ огненныя чудеса
Мои узрѣли очеса.

Стихи очень понравились старику. Племянникъ не скрывалъ отъ насъ, что написалъ такія вирши только для того, чтобъ угодить дядѣ. Подроставшій Саша начиналъ понимать Александра Семеновича, и, когда хотѣлъ, умѣлъ поддѣлываться къ нему. Вся наша компанія, которую, Богъ знаетъ, почему, Кикинъ называлъ Цизальпинской республикой, то есть я съ братомъ и Казначеевъ съ мнимыми родственниками, обѣдала въ день фейерверка у Шишковыхъ; вечеромъ, вмѣстѣ съ ними, отправились въ Адмиралтейство и заняли благополучно свою галлерею. Но, увы! всѣ предосторожности тетки не послужили ни къ чему: званые гости съѣхались, но вслѣдъ за ними

стали являться незваные; Шишковъ не умѣлъ отказывать, и скоро стало такъ тѣсно, что мы едва лѣпились на лѣстницѣ, нарочно придѣланной съ наружной стороны зданія. Фейерверкъ уже начался, какъ пріѣхала одна дама, очень уважаемая Шишковыми, заранѣе ими приглашенная, но опоздавшая. Пробиться сквозь толпу, стоявшую даже около лѣстницы, а потомъ взойти на лѣстницу — не было никакой возможности. Узнавъ объ этомъ, Шишковъ сошелъ внизъ, чтобъ провести гостью: кое-какъ онъ сошелъ съ лѣстницы, но не только провесть даму — онъ самъ уже не могъ воротиться назадъ. Шишковъ успокоился невозможностью и пустился въ разговоры съ своей гостьей... о чемъ бы вы думали? о томъ, что весьма смѣшно толкаться и лѣзть въ тѣсноту, чтобъ посмотрѣть на огненныя потѣхи, и что нелѣпо подражать французскимъ модамъ и одѣваться легко, когда на дворѣ стужа (а дама была очень легко одѣта). Собесѣдница бѣсилась, посылала мысленно къ чорту стараго дурака славянофила (какъ она послѣ сама разсказывала), но должна была изъ учтивости слушать его неумѣстныя разсужденія; наконецъ, терпѣніе ея лопнуло, и она уѣхала домой. Шишковъ, оставшись одинъ, попытался взойти на галлерею; но на второй ступенькѣ стоялъ широкоплечій полковникъ Карбонье, который, на всѣ просьбы и убѣжденія старика посторониться, не обращалъ никакого вниманія, какъ будто ничего не слыхалъ, хотя очень хорошо слышалъ и зналъ Шишкова. Наконецъ, мы услыхали его голосъ и всѣ четверо, пустивъ въ авангардъ десятивершковаго Хвощинскаго, бросились на выручку дяди, успѣли пробиться и взвели его на лѣстницу. Онъ не видалъ половины фейерверка; но всего забавнѣе было то, что онъ не

узналъ насъ и намъ же разсказывалъ на другой день, что „спасибо какимъ-то людямъ, которые протащили его наверхъ“, и что „безъ нихъ онъ бы иззябъ и ничего бы не видалъ“. Эти добрые люди были Казначеевъ и я.

Дядя вообще былъ неласковъ въ обращеніи, и я не слыхивалъ, чтобы онъ сказалъ кому-нибудь изъ домашнихъ любезное, привѣтливое слово; но съ попугаемъ своимъ, изъ породы какаду, съ своимъ Попинькой онъ былъ такъ нѣженъ, такъ дѣтски болтливъ, называлъ его такими ласкательными именами, дразнилъ, цѣловалъ, игралъ съ нимъ, что окружающіе иногда не могли удержаться отъ смѣха, особенно потому, что Шишковъ съ попугаемъ и Шишковъ во всякое другое время — были совершенно не похожи одинъ на другого. Случалось, что, уѣзжая куда-нибудь по самонужнѣйшему дѣлу и проходя мимо клѣтки попугая, которая стояла въ маленькой столовой, онъ останавливался, начиналъ его ласкать и говорить съ нимъ, забывалъ самонужнѣйшее дѣло и пропускалъ назначенное для него время, а потому, въ экстренныхъ случаяхъ, тетка провожала его отъ кабинета до выхода изъ передней. Впрочемъ, Шишковъ былъ всегда страстный охотникъ кормить птицъ, и, гдѣ бы онъ ни жилъ, стаи голубей всегда собирались къ его окнамъ. Всякое утро онъ кормилъ ихъ самъ, для чего по зимамъ у него была сдѣлана форточка въ нижнемъ стеклѣ. Эта забава не покидала его и въ чужихъ краяхъ. Въ 1813 и 1814 годахъ, таскаясь по Германіи вслѣдъ за главной квартирой государя и очень часто боясь попасться въ руки французамъ, Шишковъ нерѣдко живалъ, иногда очень подолгу, въ нѣмецкихъ городкахъ. Съ перваго дня онъ начиналъ прикармливать

голубей и приманивалъ ихъ со всего города къ окнамъ своей квартиры. Впослѣдствіи, даже слѣпой, онъ выставлялъ кормъ въ назначенное время ощупью на дощечку, прикрѣпленную къ форточкѣ, и наслаждался шумомъ отъ крыльевъ налетающихъ со всѣхъ сторонъ голубей и стукомъ ихъ носовъ, клюющихъ хлѣбныя зерна. Я самъ бывалъ свидѣтелемъ этого, поистинѣ умилительнаго, зрѣлища.

Здѣсь кстати разсказать забавный анекдотъ и примѣръ разсѣянности Александра Семеныча, который случился, впрочемъ, нѣсколько позднѣе. Я пришелъ одинъ разъ обѣдать къ Шишковымъ, когда уже всѣ сидѣли за столомъ. Мнѣ сказали, что дядя обѣдаетъ въ гостяхъ и что онъ одѣвается. Я сѣлъ за столъ, и черезъ нѣсколько минутъ Александръ Семеновичъ вышелъ изъ кабинета во всемъ парадѣ, то есть въ мундирѣ и въ лентѣ; увидѣвъ меня, онъ сказалъ: „Кабы зналъ, что ты придешь, — отказался бы сегодня обѣдать у Бакуниныхъ“ [1]. Я просіялъ отъ радости, а тетка поучительно и строго возразила: „Все пустое; Сергѣй Тимоѳеичъ обѣдаетъ у насъ три раза въ недѣлю, а тебя насилу дождались Бакунины; я думаю, ты уже съ годъ у нихъ не обѣдалъ, сегодня же старшій сынъ у нихъ именинникъ“ ... и дядя смиренно побрелъ въ переднюю. Минутъ черезъ двадцать, только что мы хотѣли встать изъ-за стола, какъ вдругъ является дядя. Всѣ удивились. „Что съ тобой?“ спросила тетка. „Вообразите, — отвѣчалъ Александръ Семеновичъ, — пріѣзжаю, а они почти отобѣдали, и назвали такихъ гостей, съ которыми я даже не кланяюсь: господъ N. N. и N. N. Дайте мнѣ чего-нибудь поѣсть“.

---

[1] М. М. Бакунинъ былъ губернаторомъ въ Петербургѣ.

Онъ сейчасъ проворно переодѣлся и сѣлъ за столъ. Тетка съ дамами, племянниками и молодыми людьми встали, а мы съ Казначеевымъ остались; ѣсть дядѣ рѣшительно было нечего. Между тѣмъ, тетка сейчасъ воротилась изъ гостиной, и сказавъ мимоходомъ своему супругу: „Это какой-нибудь вздоръ; никогда у Бакунинхъ не бываютъ N. N. и N. N.; и могутъ ли Бакунины позвать съ тобой людей, которые тебя терпѣть не могутъ“ — отправилась въ переднюю и начала свои розыски. По слѣдствію оказалось, что дядя, садясь въ карету, вмѣсто Бакунинхъ, приказалъ ѣхать къ Воронцовымъ, у которыхъ онъ никогда не бывалъ. Ничего не замѣчая, онъ вошелъ въ переднюю, гдѣ оффиціантъ доложилъ ему, что господа почти откушали и скоро встанутъ изъ-за стола. Шишковъ удивился и, проворчавъ: „Да какъ же это, звали меня, да не подождали“, спросилъ: „кто здѣсь?“ Оффиціантъ назвалъ ему N. N. и N. N. Дядя еще больше удивился и уѣхалъ домой. Тетка раскричалась, хотѣла было опять одѣть своего супруга и отправить къ Бакунинымъ; но дядя на этотъ разъ уперся и, вставъ изъ-за стола, разумѣется, совершенно голодный, сказалъ, „что онъ уже пообѣдалъ“ — и пригласилъ насъ съ Казначеевымъ въ кабинетъ, обѣщая прочесть что-то новое. Тетка еще болѣе расшумѣлась... тутъ досталось и славянскимъ нарѣчіямъ, которыми всегда набита голова Александра Семеновича, и намъ съ Казначеевымъ, которые изъ угожденія толкуютъ съ нимъ объ этихъ пустякахъ, для чтенія которыхъ онъ не хочетъ ѣхать къ Бакунинымъ, гдѣ навѣрное не обѣдаютъ и ждутъ дорогого гостя. Въ заключеніе она прибавила, что теперь Богъ знаетъ, что подумаютъ всѣ ихъ друзья и враги,

узнавъ объ этомъ, самомъ неприличномъ посѣщеніи. „Да какъ въ голову пришли тебѣ Воронцовы?“ — „Да чортъ знаетъ какъ: я о нихъ и не думалъ“, отвѣчалъ дядя и увелъ насъ въ кабинетъ, гдѣ и прочелъ намъ мысли о русскомъ правописаніи, противъ которыхъ мы отчасти возражали. Все это напечатано въ 1811 году въ числѣ „Разговоровъ о словесности“. Тетка принуждена была написать къ Бакунинымъ, что по такимъ-то причинамъ мужъ ея къ нимъ сегодня не будетъ. Въ самомъ дѣлѣ посѣщеніе Шишкова, какъ нарочно сдѣланное не вовремя и некстати, произвело много недоумѣній и толковъ, потому что онъ пріѣзжалъ къ своему первому ожесточенному противнику, извѣстному по своей особенной дружбѣ съ французскимъ посланникомъ, а посланникъ недавно жаловался государю на печатныя враждебныя и оскорбительныя выходки Шишкова противъ французовъ. Итакъ, посѣщеніе Александра Семеновича получило особое значеніе. Воронцовъ подумалъ, что Шишковъ пріѣзжалъ для какихъ-нибудь объясненій, счелъ за долгъ на другой день отдать ему визитъ: свиданіе было презабавное. Скоро дѣло объяснилось и, украшенное добрыми людьми, долго занимало и потѣшало городскую публику.

Не знаю, за что, но императоръ Павелъ I любилъ Шишкова; онъ сдѣлалъ его генералъ-адъютантомъ, что весьма не шло къ его фигурѣ, и надъ чѣмъ всѣ тогда смѣялись, особенно потому, что Шишковъ во всю свою жизнь не ѣзжалъ верхомъ и боялся лошадей; при первомъ случаѣ, когда Шишкову, какъ дежурному генералъ-адъютанту, пришлось сопровождать государя верхомъ, онъ объявилъ, что не умѣетъ и боится сѣсть на лошадь. Это не по-

мѣшало, однако, императору Павлу I подарить Шишкову триста душъ въ Тверской губерніи. Александръ Семенычъ, владѣя ими уже болѣе десяти лѣтъ, не бралъ съ нихъ ни копейки оброка. Многіе изъ крестьянъ жили въ Петербургѣ на заработкахъ; они знали, что баринъ получалъ жалованье небольшое и жилъ слишкомъ небогато. Разумѣется, возвращаясь на побывку въ деревню, они разсказывали про барина въ своихъ семействахъ. Годъ случился неурожайный, и въ Петербургѣ сдѣлалась во всемъ большая дороговизна. Въ одинъ день, поутру, докладываютъ Александру Семенычу, что къ нему пришли его крестьяне и желаютъ съ нимъ переговорить. Онъ не хотѣлъ отрываться отъ своего дѣла и велѣлъ имъ идти къ барынѣ; но крестьяне непремѣнно хотѣли видѣть его самого, и онъ нашелся принужденнымъ выйти въ переднюю. Это были выборные отъ всего села; поклонясь въ ноги, несмотря на запрещеніе барина, одинъ изъ нихъ сказалъ, что „на мірской сходкѣ положили и приказали имъ ѣхать къ барину въ Питеръ и сказать: что не берешь-де ты съ насъ, вотъ уже десять лѣтъ, никакого оброку и живешь однимъ царскимъ жалованьемъ, что теперь въ Питерѣ дороговизна и жить тебѣ съ семействомъ трудно; и потому не угодно ли тебѣ положить на насъ, за прежніе льготные годы, хотя по тысячѣ рублей, а впредь будемъ мы платить оброкъ, какой ты самъ положишь; что мы по твоей милости, слава Богу, живемъ не бѣдно, и отъ оброка не разоримся“. Услыхавъ такія рѣчи, дядя пришелъ въ неописанное восхищеніе, или, лучше сказать, умиленіе, не столько отъ честнаго, добросовѣстнаго поступка своихъ крестьянъ, какъ отъ того, что рѣчи ихъ, которыя онъ немедленно за-

писалъ, были очень похожи на языкъ старинныхъ грамотъ. Дядя сейчасъ послалъ за Казначеевымъ и за мною. Насъ не застали дома, и мы явились къ нему уже послѣ обѣда. Старикъ еще не простылъ, и съ несвойственнымъ ему, даже наружнымъ, жаромъ и волненіемъ, разсказалъ намъ все происшествіе и прочелъ записанныя рѣчи. „Вы, пожалуй, подумаете, что я пораскрасилъ ихъ слова, — прибавилъ онъ, — ну, такъ слушайте сами". Крестьянъ позвали, и дядя заставилъ ихъ разсказать вновь все, сказанное ему поутру. Крестьяне повиновались, и рѣчи ихъ (они говорили оба) оказались очень сходными съ тѣми словами, которыя записалъ Шишковъ. Онъ разспросилъ ихъ кое о чемъ, подтвердилъ, чтобъ ихъ хорошенько угощали, и обѣщалъ на другой день написать письмо и отпустить домой. Онъ показывалъ своихъ крестьянъ Мордвинову и Кикину и заставлялъ повторять тѣ же рѣчи; но мнѣ и Казначееву это не нравилось, и мы уговорили дядю никому болѣе своихъ крестьянъ не показывать и отпустить поскорѣй домой. На третій день Шишковъ написалъ письмо, котораго я не читалъ, но содержаніе котораго состояло въ томъ, что помѣщикъ благодарилъ весь міръ за усердіе, объявилъ, что надобности въ деньгахъ, по милости царской, не имѣетъ и обѣщалъ, что когда ему понадобятся деньги, то ни у кого, кромѣ своихъ крестьянъ, денегъ не попроситъ. — Выборныхъ и дядя и тетка угощали по горло, чѣмъ-то подарили, облобызали и отпустили. Мы съ Казначеевымъ были въ восторгѣ; но многіе, въ томъ числѣ и Дарья Алексѣевна, даже Мордвиновъ, находили такое безсребренничество излишнимъ и неумѣстнымъ. „Почему бы не положить, — говорили они, — легкій оброкъ, ничего незначущій для кре-

стьянъ, когда самъ помѣщикъ нерѣдко нуждается въ деньгахъ и часто не имѣетъ свободнаго рубля, чтобъ помочь бѣдному человѣку? Да и за что же всѣ другіе крестьяне или работаютъ на господина, или даютъ ему оброкъ, или платятъ ему двойныя подушныя, какъ казенные крестьяне, а эти ничего не дѣлаютъ? Это несправедливо, это должно производить ропотъ между сосѣдними крестьянами" и проч. и проч. Безъ сомнѣнія, все это правда; но я полюбилъ Шишкова еще больше[1].

Все, что я говорилъ и буду говорить о Шишковѣ, обнимаетъ пространство времени съ конца 1808 до половины 1811 года; все происходило точно такъ, но я не ручаюсь за хронологическую вѣрность и послѣдовательность разсказываемаго мною. Мнѣ потому именно вздумалось теперь оговориться, что я никакъ не могу отыскать настоящаго времени, когда пріѣзжала крестьянская депутація, сейчасъ описанная мною.

Шишковъ обыкновенно вставалъ поутру, часовъ въ семь зимою и въ шесть — лѣтомъ. Онъ прямо изъ спальни отправлялся въ кабинетъ и не выходилъ изъ него (кромѣ двухъ присутственныхъ дней въ адмиралтейскомъ совѣтѣ до половины четвертаго, если обѣдалъ дома, и до четырехъ часовъ, если обѣдалъ въ гостяхъ. Послѣ обѣда немного дремалъ, сидя въ креслахъ въ своемъ кабинетѣ, и потомъ что-нибудь читалъ до отъѣзда въ клубъ или въ гости. Работая постоянно часовъ по восьми въ сутки, онъ исписалъ громадныя кипы бумаги. Я помню, что и

[1] Впослѣдствіи крестьяне упросили положить на нихъ какой-нибудь оброкъ, говоря, что имъ совѣстно противъ другихъ крестьянъ. Оброкъ былъ положенъ, разумѣется, небольшой, да и тотъ собирался и употреблялся на ихъ же собственныя нужды. Вотъ какъ Шишковъ понималъ помѣщичье право.

та книга, въ которую онъ вписывалъ слова малоизвѣстныя и вышедшія изъ употребленія, попадавшіяся ему въ книгахъ священнаго писанія, вообще въ книгахъ духовнаго содержанія, въ лѣтописяхъ и рукописяхъ, — что эта, такъ сказать, записная книга была ужасающей величины и толщины. Безъ преувеличенья можно сказать, что исписанныхъ имъ книгъ и бумагъ, находившихся въ его кабинетѣ, нельзя было увезти на одномъ возу; но, кажется, многіе его ученые труды, послѣ его кончины, а можетъ быть еще и при жизни, которая долго тлѣлась въ его уже недвижимомъ тѣлѣ — погибли безъ слѣда. Толстая книга и двѣ тетради, писанныя рукою Шишкова, черезъ мѣсяцъ послѣ его смерти, были случайно куплены сыномъ моимъ на Апраксинскомъ рынѣ, гдѣ продаютъ книги и рукописи на рогожкахъ: это были „Корнесловъ“ и „Сравнительный словарь“ славянскихъ нарѣчій. Продавецъ зналъ, что продаетъ, и самъ сказалъ моему сыну, что рукописи принадлежатъ Александру Семеновичу Шишкову, писаны имъ самимъ, и что онъ купилъ въ его домѣ всѣ книги и бумаги, оставшіяся послѣ покойнаго. Я не знаю, соблюдалась ли правильная система въ работахъ Шишкова, и не умѣю опредѣлить, до какой степени были важны его труды; но что онъ трудился много, добросовѣстно и благонамѣренно — въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Важность его ученыхъ заслугъ по морской части признавалась тогда всѣми, и я слыхалъ, что недоброжелатели Шишкова отдавали ему въ этомъ случаѣ полную справедливость. Кромѣ ученыхъ занятій и русской литературы, Александръ Семеновичъ любилъ итальянскихъ поэтовъ. Онъ перевелъ „Тассовы ночи“ и назвалъ ихъ „Бдѣніями“. Пере-

водъ тяжелъ, но не лишенъ чувства и силы. Александръ Семеновичъ самъ превосходно читалъ его, одушевленно и драматично, и не разъ приводилъ меня въ изумленіе. Я, будучи страстнымъ охотникомъ читать, то есть выражать внѣшнимъ образомъ чувства другого, перечувствованныя собственной душою, и находившій въ этомъ неизъяснимое наслажденіе — я самъ много трудился надъ „Бдѣніями Тасса". Я зналъ эту тяжелую прозу почти наизусть и хотя всѣ хвалили меня, но мнѣ казалось, что дядя лучше, вѣрнѣе моего выражаетъ тоскливый бредъ полупомѣшаннаго поэта. Я помню также небольшую книжку мелкихъ стихотвореній и переводовъ въ стихахъ Александра Семеновича, которую знали только самые короткіе и домашніе люди. Тамъ находилась, даже не совсѣмъ приличная и грубая, эпиграмма на французовъ. Легкостью и остроуміемъ грѣхъ было поклепать дядю; это было не его дѣло. Я помню одно сатирическое посланіе къ Александру Семеновичу Хвостову, гдѣ въ каждомъ куплетѣ осмѣивался кто-нибудь изъ знакомыхъ людей противнаго образа мыслей и жизни. Вотъ одинъ уцѣлѣвшій какъ-то въ моей памяти куплетъ:

Рѣши, Хвостовъ, задачу:
Я шелъ гулять на дачу,
Туда же и Глупонъ;
Весь въ блесткахъ, въ златѣ онъ,
Съ лорнетомъ при зеницѣ,
Съ массю д'Еркюль[1] въ десницѣ...
Жеманится, кривится,
Зоветъ меня съ собой, —
Не лучше ль воротиться
Отселѣ мнѣ домой?

[1] Тогда была мода ходить съ толстыми сучковатыми палками.

Между тѣмъ, на слѣдующую зиму состоялись у насъ еще два спектакля. Были сыграны пьесы: комедія „Береговое право“ Коцебу, и „Театральное предпріятіе“, комедія въ стихахъ Ефимьева; названій другихъ двухъ небольшихъ пьесъ не помню. Комедія Ефимьева состояла изъ двухъ лицъ: одного пожилого господина, затѣвающаго устраивать театръ, и другого молодого человѣка, который, чтобъ отвратить перваго — своего хорошаго пріятеля — отъ этого предпріятія, является для опредѣленія въ актеры въ разныхъ видахъ и костюмахъ, дразнитъ и дурачитъ бѣднаго антрепренера и, наконецъ, поселяетъ въ немъ отвращеніе къ театру. Я игралъ любителя театра, а роль переодѣвающагося семь разъ пріятеля игралъ П. Н. Семеновъ, бывшій тогда подпрапорщикомъ въ Измайловскомъ полку, котораго я нарочно для этого спектакля познакомилъ съ домомъ Шишковыхъ. Онъ былъ большой мастеръ передразнивать всякія карикатурныя личности, и вся наша публика моего смѣялась отъ его игры. Моя роль была самая безцвѣтная, однообразная, нужная только для того, чтобъ могъ выказываться талантъ моего товарища; но нашлись цѣнители, которые говорили, что я въ этой роли показалъ больше искусства, чѣмъ въ прежнихъ роляхъ. Въ одной сценѣ, гдѣ Семеновъ представлялъ толстяка, желающаго опредѣлиться въ актеры, нижнія пуговки камзола у него растегнулись и уголъ подушки, изъ которой состояло брюхо, высунулся. Семеновъ смутился, но я взялъ его за руку, повернулъ къ зрителямъ бокомъ, закрылъ собою, импровизировалъ какой-то вздоръ стихами, застегнулъ камзолъ Семенову, даже сказалъ ему слѣдующую забытую имъ реплику, потому что имѣлъ привычку знать наизусть пьесу, въ которой играю — и пьеса

сошла благополучно. Зрители наградили меня за присутствіе духа громкимъ и продолжительнымъ рукоплесканіемъ. Дядя очень смѣялся, и послѣ спектакля сказалъ мнѣ: „Ну, братъ, ты точно родился на сценѣ: это твой домъ".

Кажется, въ этотъ же вечеръ случилось происшествіе, за которое долго бранили дядю, да и намъ съ Казначеевымъ досталось отъ тетки, ибо мы были признаны соучастниками и пособниками Александра Семеновича. Происшествіе состояло вотъ въ чемъ: я уже упоминалъ о дѣвицѣ Марьѣ Ардальоновнѣ Турсуковой, которая съ прекрасной наружностью соединяла свѣтскую любезность, въ хорошемъ значеніи этого слова, и образованность. Старикъ Шишковъ очень ее любилъ; но въ настоящее время онъ былъ нѣсколько сердитъ на нее за то, что она отказала Петру Андреевичу Кикину, за котораго, впрочемъ, черезъ нѣсколько лѣтъ вышла замужъ. У Турсуковой былъ великолѣпный рисовальный альбомъ, въ которомъ находилось множество рисунковъ, замѣчательныхъ по собственному достоинству и по именамъ европейскихъ и петербургскихъ знаменитостей и дилентантовъ живописи. Не знаю, попадался ли прежде на глаза дядѣ этотъ альбомъ, только я и Казначеевъ, разсматривая его въ первый разъ на столѣ въ гостиной, увидѣли, что подъ всѣми рисунками, рисованными русскими художниками и любителями, имена подписаны по-французски, равно какъ имя и фамилія самой Турсуковой. Намъ показалось досадно, и мы навели дядю на то, чтобъ онъ сталъ разсматривать альбомъ; а чтобъ онъ не проглядѣлъ подписей, я указалъ ему имя извѣстнаго русскаго живописца, подписанное по-французски, и сказалъ Казначееву вполголоса, но такъ, чтобъ дядя

слышалъ: „Какой позоръ! русскій художникъ рисуетъ для русской дѣвушки, и не смѣетъ или стыдится подписать свою фамилію русскими буквами, да и какъ исковеркалъ бѣдное свое имя!“ Казначеевъ отвѣчалъ мнѣ въ томъ же тонѣ, и дядя воспламенился гнѣвомъ: началъ бранить Турсукову, рисовальщиковъ, общество и пробормоталъ: „Жаль, что нѣтъ чернильницы и пера; я переправилъ бы ихъ имена по-русски“. Въ одну минуту я принесъ чернильницу съ перомъ, и дядя широкою, густою чертою вымаралъ французскую подпись, и крупнымм русскими буквами, полууставомъ, подписалъ подъ ней имя и фамилію рисовавшаго живописца: кажется, первый попался Кипренскій. Дѣло было начато. Дядя расхохотался и, сказавъ: „Да ихъ надо всѣ переправить“, взялъ альбомъ и унесъ къ себѣ въ кабинетъ. Гости, изъ мужчинъ постарше, всѣ уже разъѣхались, остальные были заняты между собой, никто не обращалъ на насъ вниманія и никто не замѣтилъ нашихъ продѣлокъ. Черезъ полчаса дядя кончилъ свою работу и отдѣлалъ альбомъ на славу: всѣ имена и фамиліи русскихъ были зачеркнуты старательно, широко, крѣпко, неопрятно — и написаны по-русски, а сверхъ того, на первой бѣлой страницѣ явились слѣдующіе стихи:

М. А. Турсуковой.

Безъ бѣлилъ ты, дѣвка, бѣла,
Безъ румянъ ты, дѣвка, ала;
Ты честь, хвала отцу, матери,
Сухота сердцу молодецкому.

Александръ Шишковъ.

Внизу поставилъ годъ и число. — Альбомъ вложили въ футляръ, завернули и положили на столъ,

на прежнее мѣсто; никто ничего не замѣтилъ, и Турсукова увезла альбомъ домой. Подвигъ дяди открылся не вдругъ. Мы всѣ трое, разумѣется, молчали; но черезъ нѣсколько дней, пришедши, по обыкновенію, къ Шишковымъ обѣдать, мы нашли тетку въ страшномъ гнѣвѣ. Она получила по утру отчаянную записку отъ Турсуковой. Дяди не было дома, и Дарья Алексѣевна, очень любившая Турсукову (а она умѣла любить горячо, несмотря на наружную холодность), сейчасъ къ ней поѣхала, и что же она тамъ нашла? — Великолѣпнѣйшій альбомъ, объѣхавшій всю Европу и лично собравшій на свои страницы искусныя черты и славныя имена артистовъ съ ихъ почерками, чтимый и хранимый благоговѣйно, которымъ гордилась владѣтельница, какъ будто заслугой, — испачканъ, измаранъ, исписанъ варварскими и неуклюжими буквами, потому что почеркъ дяди былъ вовсе не каллиграфическій! Турсукову она нашла въ слезахъ, почти больною; отца, нѣжно любившаго единственную дочь — огорченнымъ и разстроеннымъ. Можно себѣ представить, какъ встрѣтила Дарья Алексѣевна своего супруга, когда онъ воротился изъ Адмиралтейства! Но что съ нимъ станешь дѣлать? На всѣ упреки и обвиненія онъ спокойно и даже съ улыбкою отвѣчалъ, что „ему такъ слѣдовало поступить, что стыдно русской барышнѣ подписывать свое имя по-французски и тѣмъ заставлять другихъ подписывать такъ же, что это срамъ и позоръ, что онъ очень радъ, если Марья Ардальоновна плачетъ: пускай чувствуетъ наказаніе за вину, пускай исправится“... и проч., а затѣмъ ушелъ въ кабинетъ, занялся славянскимъ корнесловіемъ и скоро забылъ Турсукову, альбомъ и раздраженную свою супругу. Въ самый разрывъ грозы

попался я съ Казначеевымъ: гнѣвъ тетки, отскочивъ отъ невозмутимаго спокойствiя дяди, какъ мячикъ отъ стѣны, разразился на насъ. Тетка еще до нашего прихода выспросила искусно все у старика и поняла, что это наше дѣло. Она такъ отдѣлала насъ съ Казначеевымъ, что мы ушли отъ обѣда и не приходили ровно десять дней. Первые дни Шишкову какъ будто недоставало насъ; каждый разъ за обѣдомъ онъ спрашивалъ: „Да гдѣ же Аксаковъ съ Казначеевымъ?“ Можетъ быть, ему отвѣчали что-нибудь, а можетъ быть, и ничего не отвѣчали — это было все равно, черезъ недѣлю онъ привыкъ къ нашему отсутствiю и даже пересталъ о насъ спрашивать. Но тетка въ глубинѣ души была предобрая женщина. Она любила насъ обоихъ, какъ родныхъ; ей грустно было не видѣться съ нами и, можетъ быть, даже совѣстно, что она слишкомъ насъ оскорбила. Она написала записку къ Казначееву, звала его и меня и прибавила, что все прошедшее забыто. Мы пришли, и Дарья Алексѣевна искренно, со слезами, помирилась съ нами и даже обняла насъ обоихъ; тутъ я только увидѣлъ, что она и меня очень любитъ. Обращаюсь къ альбому: въ Петербургѣ не нашлось тогда искусника, который взялся бы вывесть всѣ черты, полосы и пятна, сдѣланныя Шишковымъ, но нашелся французъ, который взялся поправить дѣло въ Парижѣ. Альбомъ отправили туда къ какому-то химику, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ измаранные листы воротились чистыми, и подписи были возстановлены по возможности въ прежнемъ видѣ. Листъ со стихами, написанными Шишковымъ, остался неприкосновеннымъ и его въ Парижъ не посылали.

Спектаклей у Шишковыхъ болѣе при мнѣ не

было. Разъ въ недѣлю, не помню именно въ какой день, собирались у Александра Семеновича тогдашніе литераторы и кое-что читали. Сначала эти собранія были многочисленны. Постоянными были: Гаврила Романовичъ Державинъ, Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ (тогдашній министръ юстиціи), князь С. Шихматовъ, графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ, Алексѣй Семеновичъ Хвостовъ и князь Александръ Александровичъ Шаховской. Пріѣзжали иногда, какъ простые посѣтители и дилетанты, Николай Семеновичъ Мордвиновъ, Михаилъ Михайловичъ Бакунинъ, графъ Строгановъ и А. Н. Оленинъ. Видѣлъ я также раза два, сидѣвшаго въ углу съ подобострастіемъ, семеновскаго полковника А. А. Писарева. Впослѣдствіи стали ѣздить: П. А. Кикинъ, князь Платонъ Шихматовъ, Николай Ивановичъ Гнѣдичъ, сенаторъ Захаровъ, Висковатовъ, Стурдза, князь Горчаковъ, Станевичъ, П. Ю. Львовъ (сочинитель „Храма славы русскихъ героевъ“) и Гераковъ. Въ первую половину зимы 1811 года родилась и образовалась мысль составить „Бесѣду русскаго слова“, которая и была приведена въ исполненіе. Я, такъ же какъ и Писаревъ, смиренно сиживалъ иногда въ углу большой гостиной безмолвнымъ слушателемъ того, что читалось и говорилось въ этихъ собраніяхъ. По совѣсти долженъ я сказать, что ничего замѣчательнаго не происходило и даже тогдашнимъ моимъ понятіямъ не удовлетворяло. Что бы кто ни прочелъ — всѣ остальные говорили одни пошлые комплименты; критическія замѣчанія были еще пошлѣе. Только иногда горячился и бормоталъ князь Шаховской, да отпускалъ злыя эпиграммы, въ видѣ похвалъ, Алексѣй Семеновичъ Хвостовъ на своего однофамильца графа Хвостова, который принималъ ихъ

за наличную монету. Помню я одну его наивную выходку, которая, заставила всѣхъ долго смѣяться. Читалъ какую-то свою пьесу въ прозѣ Станевичъ; по окончаніи чтенія, Шишковъ и кто-то другой стали его хвалить; вдругъ графъ Хвостовъ всталъ съ креселъ, подошелъ къ Державину, потрепалъ его по плечу и сказалъ: „Нѣтъ, Гаврила Романовичъ, онъ не нашъ братъ, а ихъ братъ“ — и указалъ на Александра Семеновича Шишкова и П. Ю. Львова. Всѣ захохотали, хотя не вдругъ поняли. Графъ Хвостовъ хотѣлъ сказать, что Станевичъ не лирикъ, а прозаикъ и критикъ.

Шишковъ не былъ увлеченъ и обольщенъ блистательнымъ успѣхомъ трагедіи Озерова „Дмитрій Донской“. Онъ превозносилъ преувеличенными похвалами „Эдипа въ Аѳинахъ“ и даже „Фингала“, но ожесточенно нападалъ на „Дмитрія Донского“. Шишковъ принималъ за личную обиду искаженіе старинныхъ нравовъ, русской исторіи и высокаго слога. Всего болѣе сердили его слова Донского, которыми онъ описываетъ, какъ увидѣлъ въ первый разъ Ксенію въ церкви:

Исчезли въ мысляхъ храмъ, останки тѣ нетлѣнны,
Предъ коими и дочь и матерь пр.клоненны
Молили премѣнить на милость гнѣвъ небесъ.

„Хорошъ великій князь Московскій! — говорилъ Шишковъ. — Увидалъ красивую дѣвицу въ Успенскомъ соборѣ, не взвидѣлъ святыхъ мощей и забылъ о нихъ. Можно ли написать такую дичь о русскомъ великомъ князѣ, жившемъ за четыреста лѣтъ до насъ?“ Не менѣе сердили его слова Дмитрія, который, въ оправданіе своей любви, говоритъ Брянскому:

Не осуждай ее: она счастливый даръ;
Она произвела сей доблественный жаръ,
Съ которымъ я стремлюсь отечество избавить,
Свободу возвратить и мой народъ прославить.

Александръ Семеновичъ выходилъ изъ себя отъ гнѣва и говорилъ: „Спасибо хотя Брянскому, который возражаетъ Дмитрію: ахъ, какой же ты подлецъ!“ Шишковъ очень глумился надъ словами Ксеніи, которая говоритъ Тверскому:

Обѣщана тебѣ еще въ такіе годы,
Какъ выходила я едва изъ рукъ природы . .

и требовалъ отъ сочинителя, чтобъ онъ назначилъ то время, когда человѣкъ выходитъ изъ рукъ природы. Справедливость, однако, требуетъ сказать, что нѣкоторые стихи Шишковъ называлъ достойными Корнеля и Расина, напримѣръ:

Мой долгъ: въ день мира судъ и мужество въ
день брани,

или:

Въ сраженьи смерть найду, но смерть завидну,
славну
И предпочтительну той жизни, коей стыдъ
Побѣга вашего по гробъ обременитъ

Само собою разумѣется, что Шишковъ не могъ примириться съ влюбленностью Дмитрія и съ пріѣздомъ Ксеніи въ воинскій станъ, какъ будто для бракосочетанія съ Тверскимъ, а въ самомъ дѣлѣ для того, чтобы сказать ему въ присутствіи всѣхъ русскихъ князей, что она за него идти не хочетъ, но идетъ въ монастырь. Шишковъ не удовольствовался словесною критикою: онъ велѣлъ переплесть трагедію съ бѣлыми листами и всѣ исписалъ ихъ собственною рукою самымъ мелкимъ почеркомъ, какимъ только могъ писать. Онъ читалъ одинъ разъ при

мнѣ свои замѣчанія Мордвинову, А. С. Хвостову, Кикину и другимъ. Всѣ слушатели очень смѣялись. Въ самомъ дѣлѣ, многія полемическія выходки дяди, даже не совсѣмъ приличныя, были очень забавны. Разумѣется, Шишковъ заходилъ слишкомъ далеко и утверждалъ, что, кромѣ нѣкоторыхъ блестящихъ стиховъ, языкъ у Озерова хуже, чѣмъ у Сумарокова, и въ доказательство приводилъ, конечно, весьма плохіе, стихи изъ „Дмитрія Донского", какъ, напримѣръ, слѣдующіе:

Пускай все воинство и вся Россія пусть
Познаютъ, коль хотятъ, любовь мою и грусть!
Лишь Ксенія признать любви сей не хотѣла,
Всей горести моей она не пожалѣла.

Или когда Ксенія говоритъ:

Когда Димитрія сіе мнѣ сердце страстно
Не престаетъ являть повсюду и всечасно.

Или:

Ахъ, нѣтъ: до днесь еще толь мрачныя печали, —
и проч.

Для большаго эффекта, послѣ такихъ стиховъ, Александръ Семеновичъ щеголялъ стихами Сумарокова изъ трагедіи „Семира":

Иду отечества къ преславной оборонѣ:
Ты будешь зрѣть меня иль мертва, иль въ коронѣ.

Относительно языка у Шишкова много было натяжекъ и пустыхъ придирокъ къ мелочамъ. Я этому не удивлялся, потому что Александръ Семеновичъ бывалъ пристрастенъ какъ въ похвалахъ, такъ и въ порицаніяхъ; но вотъ, что всегда меня удивляло: разобравъ весьма справедливо, и даже иногда очень тонко, неправильность, неприличность выраженія, несогласіе его съ духомъ языка, онъ вдругъ приводилъ въ примѣръ стихи изъ Сумарокова, которые

были гораздо хуже тѣхъ, на которые онъ нападалъ. Что же касается до исторической драмы, до характеровъ дѣйствующихъ лицъ, то всѣ его замѣчанія были совершенно справедливы. Я сдѣлалъ себѣ точно такую же книжку съ бѣлыми листами и, съ позволенія Александра Семеновича, списалъ всѣ его замѣтки. Къ сожалѣнію, уѣзжая изъ Петербурга, я оставилъ эту книжку у Шушерина, который желалъ списать ее для себя, а Шушеринъ, во время переѣзда изъ Петербурга въ Москву, какъ-то потерялъ ее. Къ этому должно прибавить, что въ концѣ 1815 года или въ началѣ 1816-го я слышалъ въ Москвѣ, какъ профессоръ Мерзляковъ разбиралъ „Дмитрія Донского“ съ каѳедры на публичной лекціи — и былъ пораженъ изумленіемъ: Мерзляковъ почти во всѣхъ своихъ критическихъ замѣчаніяхъ совершенно сходился съ Шишковымъ. Я немедленно сказалъ объ этомъ знаменитому тогда критику и даже сообщилъ ему нѣкоторыя полемическія замѣтки Шишкова, тогда еще хранившіяся въ моей памяти. Мерзляковъ очень забавлялся и заинтересовался ими и убѣдительно просилъ меня какъ-нибудь отыскать этотъ любопытный разборъ; но я вскорѣ уѣхалъ на десять лѣтъ въ деревню, и книжка была забыта.

Лѣтомъ 1811-го года я уѣхалъ изъ Петербурга въ Оренбургскую губернію, и съ этого времени прекратились мои частыя и близкія сношенія съ домомъ Шишковыхъ. Я пріѣзжалъ въ Петербургъ уже, такъ сказать, на побывку. Наступила вѣчно памятная эпоха 1812 года, и съ удивленіемъ узналъ я, что Александръ Семеновичъ былъ сдѣланъ государственнымъ секретаремъ, на мѣсто Михайла Михайловича Сперанскаго. Нисколько не позволяя себѣ судить, на своемъ ли онъ былъ мѣстѣ, я скажу

только, что въ Москвѣ и въ другихъ внутреннихъ губерніяхъ Россіи, въ которыхъ мнѣ случилось въ то время быть, всѣ были обрадованы назначеніемъ Шишкова, и что писанные имъ манифесты дѣйствовали электрически на цѣлую Русь. Несмотря на книжныя, иногда нѣсколько напыщенныя выраженія, русское чувство, которымъ они были проникнуты, сильно отзывалось въ сердцахъ русскихъ людей.

Въ 1814-мъ году я пріѣхалъ въ Петербургъ. Александръ Семеновичъ только что воротился изъ чужихъ краевъ. Онъ жилъ уже не въ прежнемъ своемъ скромномъ домикѣ на Фурштатской улицѣ, а въ великолѣпной казенной квартирѣ противъ дворца. Образъ жизни его измѣнился; ученые филологическіе труды прекратились: другіе люди стали посѣщать его; другія мысли и заботы наполняли его умъ и душу, и живое воспоминаніе только что разыгранной, исполинской драмы, въ которой самъ онъ былъ важнымъ дѣйствующимъ лицомъ и двигателемъ народнаго духа Святой Руси — подавило его прежніе интересы; но онъ встрѣтилъ меня и брата съ прежнимъ радушіемъ и съ видимымъ удовольствіемъ; Дарья Алексѣевна — также. Перемѣна въ общественномъ положеніи не произвела въ нихъ никакой перемѣны. Много наслушался я разсказовъ любопытныхъ и поучительныхъ, но разсказамъ этимъ здѣсь не мѣсто. Впрочемъ, нѣкоторая часть слышаннаго мною напечатана въ собственныхъ запискахъ Шишкова. Мы бывали у Шишковыхъ не такъ часто, какъ прежде, но непремѣнно всякую недѣлю.

Въ это время ходила по Петербургу пародія извѣстнаго стихотворенія Жуковскаго: „Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ“, написанная на Шишкова и на всю вообще „Бесѣду русскаго слова“. Одинъ

разъ племянникъ Александра Семеновича, Саша Шишковъ, бывъ со мною въ кабинетѣ у дяди, сказалъ мнѣ на ухо: „Если бъ дядя зналъ, что у меня въ карманѣ!“ — „Что же у тебя такое?“ — спросилъ я. — „Пародія на дядю и на всю Бесѣду, написанная Батюшковымъ“ [1]. Старикъ Шишковъ былъ занятъ чѣмъ-то другимъ. Я пробѣжалъ пародію и положилъ въ карманъ, сказавъ Сашѣ, что я прочту ее дядѣ, который выслушаетъ ее съ удовольствіемъ. Саша умолялъ меня не дѣлать этого; но я не послушалъ и, обратившись къ Александру Семеновичу, сказалъ: „Знаете ли вы, что по Петербургу ходитъ пародія „Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ“ на васъ и на всѣхъ членовъ Бесѣды?“ — „Нѣтъ, не знаю. Да хороша ли?“ — „Всѣ хвалятъ, — сказалъ я; — хотите, я вамъ прочту?“ — „Прочти, пожалуйста“. — И я при всѣхъ, кто былъ въ кабинетѣ, торжественно прочелъ пародію. Александръ Семеновичъ былъ очень доволенъ, улыбался и, когда я кончилъ, сказалъ: „Это забавно. Дайте мнѣ, пожалуйста, списокъ“. Саша очень струсилъ, что я отдамъ тотъ, по которому читалъ, написанный его рукою, но я вывелъ его изъ затрудненія, отдавъ ему списокъ и сказавъ: „Саша вамъ спишетъ“. Изъ этой баллады уцѣлѣли въ моей памяти слѣдующіе стихи:

Да здравствуетъ Бесѣды царь!
Цвѣти твоя держава!
Бумажный тронъ твой — нашъ алтарь;
Предъ нимъ обѣтъ нашъ — слава!
Не измѣнимъ! мы отъ отцовъ
Пріяли глупость съ кровью;
Сумбуръ! Здѣсь сонмъ твоихъ сыновъ,

[1] Я не повѣрилъ тогда, что она написана Батюшковымъ, но М. А. Дмитріевъ недавно доказалъ, что эта пародія точно принадлежитъ Батюшкову.

Къ тебѣ горимъ любовью!
Нашъ каждый писарь-славянинъ
Галиматьею дышетъ;
Бѣжитъ предатель ихъ дружинъ,
И галлицизмы пишетъ.

Вотъ конецъ куплета, непосредственно относившагося къ Александру Семеновичу, а начала не помню:

Ошую пусть сидитъ съ тобой
Осьмое чудо свѣта,
Твой сынъ, наперсникъ и клевретъ —
Шихматовъ безглагольный [1];
Какъ ты, славянъ краса и цвѣтъ,
Какъ ты, собой довольный.

Въ началѣ 1815-го года семейныя обстоятельства внезапно вызвали меня изъ Петербурга. Оставя брата жить у полковника Мартынова и поручивъ его вниманію и участію Шишковыхъ, я поскакалъ, сломя голову, въ Вятскую, а потомъ въ Оренбургскую губернію. Съ 1807-го года я не разставался съ братомъ, и это была первая разлука.

Въ 1816-мъ году я пріѣзжалъ изъ Москвы, гдѣ тогда жило все наше семейство, на три мѣсяца въ Петербургъ, собственно за тѣмъ, чтобъ взглянуть на брата: я нашелъ его любимцемъ обоихъ Шишковыхъ. Эти три мѣсяца я былъ совершенно поглощенъ неожиданнымъ знакомствомъ съ Державинымъ, знакомствомъ, въ нѣсколько дней сдѣлавшимся близкимъ и задушевнымъ, навсегда сохранившимъ для меня великое значеніе. Съ Александромъ Семеновичемъ я видался рѣдко, за что онъ мнѣ даже пенялъ.

Здѣсь слѣдуетъ огромный промежутокъ времени: я женился и уѣхалъ на десять лѣтъ въ Оренбургскую деревню. Я переѣхалъ на житье въ Москву

[1] У Шихматова почти не было рифмъ на глаголы.

въ 1826-мъ году, во время коронаціи, я нашелъ въ Москвѣ Шишкова уже министромъ народнаго просвѣщенія. Много совершилось перемѣнъ въ это десятилѣтіе! Доброй, истинно-доброй и достойной уваженія Дарьи Алексѣевны Шишковой — уже не было на свѣтѣ. Богъ послалъ ей страдальческую кончину. Александръ Семеновичъ, имѣя нужду въ нянькѣ, какъ онъ самъ говорилъ мнѣ, женился, несмотря на свои преклонныя лѣта и хворость, на полячкѣ и католичкѣ, Ю. О. Лобаршевской, къ общему удивленію и огорченію всѣхъ близкихъ къ нему людей. Въ Москвѣ, такъ же какъ и прежде, Шишковъ встрѣтилъ меня съ неизмѣннымъ радушіемъ и ласкою. Не видавши меня десять лѣтъ, онъ очень мнѣ обрадовался, разспрашивалъ меня обо всемъ, что я дѣлалъ; удивлялся, какъ я могъ прожить въ такой глуши десять лѣтъ и, выслушавъ внимательно мои причины, мою цѣль, простодушно мнѣ сказалъ: „Ну, братъ, я тебя еще больше уважаю и скажу правду, что ты въ деревнѣ не одичалъ и не поглупѣлъ". Разсказывая откровенно Шишкову мои обстоятельства, я говорилъ ему, что мнѣ нужно мѣсто въ Москвѣ съ порядочнымъ жалованьемъ. Я говорилъ въ то же время о новомъ особомъ цензурномъ комитетѣ въ Москвѣ, о хорошемъ цензорскомъ жалованьѣ и спрашивалъ: кого онъ имѣетъ въ виду для занятія этихъ мѣстъ? Недогадливость Шишкова осталась прежняя. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что охотниковъ и просьбъ о нихъ много, но самъ онъ еще не выбралъ никого; такъ мы и разстались. Дѣлать было нечего. Дня черезъ два я опять пріѣхалъ къ нему и спросилъ его прямо: „Не могу ли я занять мѣсто цензора?" Шишковъ былъ очень радъ и отвѣчалъ мнѣ: „Почему же нѣтъ? Лучшаго цен-

зора я желать не могу. Въ твоихъ правилахъ я увѣренъ, какъ въ моихъ собственныхъ"... и очень удивлялся, какъ это ему самому не пришло въ голову. Онъ немедленно назначилъ меня цензоромъ и уѣхалъ въ Петербургъ.

Что касается до управленія министерствомъ народнаго просвѣщенія, то я не беру на себя судить объ этомъ. Шишковъ, можетъ быть, слишкомъ односторонне смотрѣлъ на предметы и вездѣ проводилъ свои убѣжденія, благія и честныя въ основаніи, но уже устарѣвшія, или, лучше сказать, потерявшія свою важность. Время шло быстро. Шишковъ не всегда это замѣчалъ и, живя въ прошедшемъ, иногда не видѣлъ потребностей настоящаго. Шишковъ боролся упорно, но, наконецъ, убѣдившись, что онъ, какъ министръ, не можетъ быть полезенъ — вышелъ въ отставку.

Въ 1829-мъ году я пріѣзжалъ въ Петербургъ на короткое время и видѣлся съ Шишковымъ нѣсколько разъ. Здоровье его начинало слабѣть. Онъ жаловался мнѣ на свои глаза, говоря, что уже не можетъ такъ много читать и писать, какъ прежде. Онъ оставался членомъ Государственнаго Совѣта, президентомъ Россійской Академіи и получалъ всѣ прежніе свои оклады, слѣдовательно, могъ жить въ довольствѣ. Общество его совершенно перемѣнилось. Шишковъ, закляты̀й врагъ католиковъ и поляковъ — былъ окруженъ ими. Новая супруга наводнила его домъ людьми совсѣмъ другого рода, чѣмъ прежде, и я не могъ равнодушно видѣть достопочтеннаго Шишкова посреди разныхъ усачей, самонадѣянныхъ и заносчивыхъ, болтавшихъ всякій вздоръ и обращающихся съ нимъ слишкомъ запросто. Хотя Шишковъ, повидимому, спокойно примирялся съ новымъ

своимъ положеніемъ, но смотрѣть на него было мнѣ слишкомъ тяжело. Я пріѣзжалъ къ нему всего раза три, да и всѣ прежніе знакомые стали рѣдко къ нему ѣздить.

Въ 1832-мъ или 1833-мъ году пріѣзжалъ Александръ Семеновичъ съ своей молодой супругой въ Москву, чтобъ лѣчиться искусственными минеральными водами, которыхъ въ Петербургѣ еще не было. Онъ жилъ у старинныхъ своихъ друзей Бакуниныхъ. Я нерѣдко приходилъ къ нему; онъ всегда былъ мнѣ очень радъ и охотно говорилъ о русской словесности. Я представилъ тогда ему моего старшаго сына, который былъ воспитанъ въ чувствахъ уваженія къ Шишкову. Александръ Семеновичъ очень его полюбилъ и даже обласкалъ, вопреки своей обыкновенной неласковости. Воды не помогли больному, уже дряхлому старику, напротивъ, были вредны и онъ скоро уѣхалъ въ Петербургъ. Памятникомъ этого послѣдняго пребыванія Шишкова въ Москвѣ остался у меня одиннадцатый томъ Русской Исторіи Карамзина, изданный послѣ его смерти Д. Н. Блудовымъ. Шишковъ бралъ его у меня, чтобъ прочесть, и сдѣлалъ на поляхъ много замѣтокъ. Въ это же время представилъ я Александру Семеновичу, какъ президенту Россійской Академіи, Ю. И. Венелина, книгу котораго „Древніе и нынѣшніе болгаре“ онъ зналъ и очень уважалъ. Слѣдствіемъ этого знакомства было путешествіе Венелина въ Болгарію. По предложенію Шишкова, Россійская Академія назначила Венелину три тысячи рублей ассигнаціями на путевыя издержки.

Въ 1836-мъ году я опять ѣздилъ въ Петербургъ. Здоровье Александра Семеновича Шишкова и особенно зрѣніе очень ослабѣло; но я нашелъ его

бодрымъ духовно и даже иногда веселымъ. Онъ почти ощупью отыскивалъ въ шкафѣ нужную ему книгу, доставалъ ее и заставлялъ меня кое-что прочесть вслухъ. Въ одной рукописной его книгѣ (не помню, какъ она называлась) читалъ я, признаюсь, съ предубѣжденіемъ и недовѣрчивостью, предсказаніе Шишкова о будущей судьбѣ Европы, о всѣхъ ея революціяхъ и безвыходныхъ неустройствахъ. Увы! все исполнилось и исполняется съ поразительною вѣрностью. Шишковъ говорилъ мнѣ, что онъ, одиннадцать лѣтъ тому назадъ, письменно предсказалъ за годъ одно важное событіе, но что тогда смѣялись надъ нимъ; да и послѣ, когда предсказаніе исполнилось, никто не обратилъ на это вниманія. — Одинъ разъ вдругъ вошла къ намъ въ кабинетъ молодая дама или дѣвушка, которая была необыкновенно хороша собою; Шишковъ былъ такъ любезенъ и веселъ съ нею, что я во всю мою жизнь никогда его такимъ не видывалъ. Когда красавица ушла, Александръ Семеновичъ со вздохомъ сказалъ мнѣ: „Скверное, братъ, положеніе, не могу различить прекрасной женщины отъ урода“. Подивился я такимъ словамъ, какихъ никогда прежде отъ него не слыхивалъ. Не знаю, почему, только вторая супруга не показывалась въ кабинетѣ Александра Семеновича: за нимъ ходили внимательно и нѣжно его родныя племянницы.

Въ 1839-мъ году, въ ноябрѣ, я пріѣзжалъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ Гоголемъ. Шишковъ былъ уже совершенно слѣпъ. Я навѣщалъ довольно часто Александра Семеновича: онъ былъ еще на ногахъ, но становился часъ отъ часу слабѣе, и жизнь видимо угасала въ немъ. Я никогда не говорилъ съ Шишковымъ о Гоголѣ: я былъ совершенно убѣ-

жденъ, что онъ не могъ, не долженъ былъ понимать Гоголя. Въ это-то время бывалъ я свидѣтелемъ, какъ Александръ Семеновичъ кормилъ цѣлую стаю голубей, ощупью отворяя форточку и выставляя кормъ на тарелкѣ.

Наконецъ, въ исходѣ 1840-го года, одно печальное происшествіе неожиданно вызвало меня въ Петербургъ, и я видѣлъ въ послѣдній разъ Александра Семеновича Шишкова. Это былъ уже трупъ человѣческій, недвижимый и безгласный. Только близко наклонясь къ нему, можно было замѣтить, что слабое дыханіе еще не прекратилось. Мнѣ разсказывали, что его жизнь поддерживали, вливая ему въ ротъ раза четыре въ день по нѣсколько ложекъ бульона, что иногда вдругъ это состояніе проходило, онъ какъ будто просыпался, начиналъ сидѣть на постели, вставать и ходить по комнатѣ съ помощью другихъ и выѣзжалъ прокатываться. Академическія засѣданія собирались у него въ комнатѣ. Разсказывали мнѣ также, что одинъ разъ, во время подобнаго летаргическаго сна, когда уже никто не церемонился около него, говорили громко, шумѣли и ходили, какъ около покойника, къ которому всѣ равнодушны, вдругъ вбѣжалъ камердинеръ и сказалъ довольно тихо, что государь остановился у воротъ и прислалъ спросить о здоровьѣ Александра Семеновича. Къ общему изумленію, почти испугу, въ ту же минуту Шишковъ открылъ глаза и довольно твердымъ голосомъ сказалъ: „Благодарю государя! Скажи ему, что мнѣ лучше“ — и впалъ въ прежнее безчувствіе, продолжавшееся еще двѣ недѣли. Вскорѣ по возвращеніи въ Москву, получилъ я извѣстіе, что отлетѣло послѣднее дыханіе жизни, такъ долго боровшееся со смертью, что Александръ Семеновичъ скончался.

Много несправедливаго, невѣрнаго, смѣшного и нелѣпаго говорило объ этомъ человѣкѣ злоязычіе человѣческое. Но, откинувъ въ сторону всѣ тонкія разсужденія о недостаткахъ и слабостяхъ почившаго брата, нельзя не сознаться, что, проходя обширное, многозначительное поприще службы, въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ государства, начавъ съ Морского кадетскаго корпуса, гдѣ Шишковъ былъ при Екатеринѣ учителемъ, дойдя до высокаго поста государственнаго секретаря, съ котораго онъ двигалъ духомъ Россіи писанными имъ манифестами въ 1812 году — Шишковъ имѣлъ одну цѣль: общую пользу; но и для достиженія этой святой цѣли никакихъ уступокъ онъ не дѣлалъ. Никогда Шишковъ для себя ничего не искалъ, ни одному царю лично не льстилъ: онъ искренно вѣрилъ, что цари отъ Бога, и былъ преданъ всею душою царскому сану, благоговѣлъ предъ нимъ. Шишковъ безъ всякаго униженія могъ поклониться въ ноги своему природному царю; но, стоя на колѣняхъ, онъ говорилъ: „Не дѣлай этого, государь, это не хорошо“. Убѣжденія Шишкова были часто ошибочны, но всегда честны. Онъ не выходилъ изъ круга умственныхъ понятій своего времени, круга нерѣдко тѣснаго и ограниченнаго, но не измѣнялъ своимъ правиламъ никогда. Эту твердость называли упрямствомъ, изувѣрствомъ; но, Боже мой, какъ бы я желалъ многимъ добрымъ людямъ настоящаго времени поболѣе этого упрямства, этой горячей ревности! — На литературномъ поприщѣ, которое предшествовало государственному, Шишковъ дѣйствовалъ точно такъ же. Онъ возсталъ противъ побѣдоноснаго могущества новизны и таланта, всѣхъ плѣнившаго, всѣхъ увлекавшаго за собою, возсталъ, потому что считалъ это увлеченіе

вреднымъ, возсталъ одинъ противъ несмѣтнаго полчища поклонниковъ торжествующей новизны, сильныхъ и раздражительныхъ; онъ былъ осмѣянъ, униженъ, ненавидимъ, гонимъ общественнымъ мнѣніемъ большинства... но онъ сдѣлалъ свое дѣло. Старовѣръ, гасильникъ, славянофилъ Шишковъ — открылъ, можетъ быть, глаза Карамзину на вредныя послѣдствія его нововведеній въ русское слово. Самъ благородный и добрый Карамзинъ говорилъ мнѣ (въ 1816-мъ году), что „у Александра Семеновича много гнѣва, много желчи, много личной къ нему враждебности, а потому много и несправедливаго, но есть много и правды". Въ дѣлѣ суда и осужденія общественной нравственности, связанномъ неразрывно у Шишкова съ дѣломъ литературы, — онъ былъ еще справедливѣе и заслуживаетъ еще болѣе уваженія, хотя мало имѣлъ вліянія и оказалъ, можетъ быть, менѣе пользы. Собственно же за русское направленіе, за „славянофильство", какъ бы Шишковъ ни понималъ его криво, которое онъ исповѣдывалъ и проповѣдывалъ съ юныхъ лѣтъ до гробовой доски, котораго былъ мученикомъ, — онъ имѣетъ полное право на безусловную, сердечную нашу благодарность. Исторія будетъ безпристрастнѣе, справедливѣе насъ. Имя Шишкова, какъ литератора, какъ общественнаго и нравственнаго писателя, какъ государственнаго человѣка, какъ двигателя своей эпохи — займетъ почетное мѣсто на ея страницахъ, и потомство съ бо́льшимъ сочувствіемъ, чѣмъ мы, станетъ повторять стихи Пушкина:

Сей старецъ дорогъ намъ: онъ блещетъ средь народа
Священной памятью двѣнадцатаго года.